«Переславская быль» Том 5

С. Д. Васильев

Воспоминания о Переславле

Переславль-Залесский 2006

Серия «Переславская быль» основана в 2004 году.

Ответственный редактор А. Ю. Фоменко. Редколлегия: Д. В. Петропавловский, А. Ю. Фоменко, Е. К. Шадунц.

На 4 странице обложки фотография 2 мая 1965 года.

Издано на средства Д. В. Петропавловского.

Васильев С. Д.

В 19 Воспоминания о Переславле / С. Д. Васильев. — Переславль-Залесский: Переславский совет ВООПИиК, 2006. — 102 с.: ил. — (Переславская быль; Т. 5).

Краевед С. Д. Васильев впервые приехал в Переславль в 1926 году. В своих воспоминаниях он даёт не только экскурсионный очерк истории города, но и показывает бытовые сцены: извозчиков, рыбаков, городские праздники и семейную жизнь своих знакомых в первой трети XX века.

Для всех, кто интересуется городом Переславлем.

ББК 63.3(2Рос-4Яр)

© Сергей Дмитриевич Васильев, 1952.

Об авторе

О жизни Сергея Дмитриевича Васильева не рассказывают газеты и журналы, нам очень мало известно о нём. Собранные здесь сведения — первая попытка проследить биографию этого человека.

С. Д. Васильев родился в 1908 году. Жил он в Москве, в Большом Демидовском переулке. Учился в педагогическом техникуме на отделении политпросвещения, а затем в промышленно-экономическом техникуме.

В 1926 году Васильев впервые приехал в Переславль и, вернувшись, привёз небольшой альбом с зарисовками переславской старины. (Многие из них впервые публикуются в этой книге.) Здесь он познакомился с семьёй Былининых, а потом и женился на Наталье Георгиевне Былининой — сестре Бориса Георгиевича Былинина, музыканта и постановщика переславской любительской оперы.

В 1930—1932 годах работал бухгалтером треста Мосспецстрой, был обвинён в растрате и осуждён по 116 статье к 3 годам лишения свободы. Отбывал срок на строительстве Беломоро-Балтийского канала, был досрочно освобождён и жил в Переславле. Как раз в это время он и подружился с директором музея К. И. Ивановым.

В годы Великой Отечественной войны Сергей Дмитриевич был на фронте, на малом флоте. В марте 1945 года участвовал в освобождении Вены.

О работе Васильева мы знаем со слов Б. М. Носика:

Константин Иванович познакомил меня с высоким пожилым капитаном в когда-то синем, вытертом добела речном кителе, в капитанской фуражке с белым чехлом и с крабом. Это был внештатный экскурсовод Сергей Дмитриевич Васильев, москвич, бывалый речной капитан, уже лет

сорок посвятивший свой досуг краеведению и знающий эти места назубок. 1

Живя в Москве, Сергей Дмитриевич имел возможность посещать библиотеку имени Ленина. Делал выписки из газет, книг, журналов XIX и начала XX века, по этим материалам писал о Переславле. Начиная с 1959 года газета «Коммунар» стала давать его статьи об улицах города.²

Вообще же круг интересов Васильева был довольно широк: он выступал в газетах как историк, искусствовед, этнограф и фенолог. А его антирелигиозные статьи нередко имели обратный эффект: давая обширные сведения о святых, он становился ценным источником для верующих.

Приводя цитаты в газетных статьях, Васильев почти всегда ссылался на их источники. У современных авторов это, к сожалению, уже вышло из моды.

В 1961 году Васильев выступает на 2 научной конференции московских областных краеведов-учителей (27—29 марта), а 3—5 апреля на сессии Советского комитета Международного Совета музеев. Его речь записана и хранится в архиве Переславского музея:

Я не педагог и не музейщик. Я просто краевед, нет, краевед-гибрид, москвич в пяти поколениях, 35 лет посвятил Переславлю-Залесскому. Я, вот сидя в Москве, знаю переславскую погоду не хуже местных жителей. Почему? Да школьники мне шлют открытки о своих фенологических наблюдениях, на их основаниях появляются «Фенологические записки».

В 1957 г. отдел истории советского периода был расположен в 7 залах, заведующим отделом был Лев Алексее-

 $^{^1} Hocu\kappa,~ \mathit{B}.~ \mathit{M}.~$ По Руси Ярославской / Б. М. Носик. — М.: Мысль, 1968. — С. 121.

²См.: *Васильев, С. Д.* Улицы, на которых мы живём: Исторические очерки / С. Д. Васильев, К. И. Иванов. — Переславль-Залесский, 2005. — (Переславская быль; Т. 4).

Об авторе 5

вич Пантелеев. Эта экспозиция уже успела устареть, к провинциальным музеям предъявляли новые требования. Написанием тематических планов и собирательской работой занялись как научные сотрудники музея, так и краеведы. Посещая Ленинскую библиотеку, С. Д. Васильев собрал в нескольких машинописных книжках дореволюционные газетные статьи, связанные с Переславлем. Эти выписки были переданы в музей и предназначались в первую очередь для преподавателей марксизма-ленинизма, которые теперь свободно могли сравнивать прежнее и современное им состояние города.

Как экскурсовод Сергей Дмитриевич сотрудничал и в Переславле, и в Московском городском экскурсионном бюро. Туристы обожали его рассказы, да и сам он бывал весьма колоритен: громкий баритон разносился по залам музея, на высокой фигуре ладно сидел морской китель, сверкала белизною фуражка с кокардой.

Немало трудился Васильев в архивах Ярославской и Владимирской областей, разбирая переписку переславских помещиков и изучая жизнь местных фабрик.

В 1960 году С. Д. Васильев и К. И. Иванов написали сценарий документального кинофильма «Переславль-Залесский», который рассказывал о памятниках города. Фильм снимала городская студия кинолюбителей, работавшая при фабрике киноплёнки (именно, Р. А. Юстинов и Н. М. Ширшин). Картина получилась очень удачной. 13 декабря 1960 года Васильев выступал с нею по телевидению, а в мае 1961 года на международном смотре в Белграде лента получила Почётный диплом. Переславский музей хранит рабочие материалы и смонтированную копию этого фильма.

С 15 мая 1961 года Сергей Васильевич был членом учёного совета Переславского музея-заповедника. Он активно участвовал и в научных экспедициях музея.

В эти же годы Васильев готовит к печати книгу «По древним русским городам» (1958), брошюры «Памятники зодчества XII века в Переславле-Залесском» (1966, вместе

с К. И. Ивановым) и «Памятники истории в окрестностях Переславля-Залесского» (1968).

Большую собирательскую работу проделал Васильев по ленинской теме, разыскивая материалы о поездке Ленина в Горки (на реке Шахе). Вместе с К. И. Ивановым была подготовлена книга о подпольном издании ленинского труда «Что такое "друзья народа"». В 1960 году он разыскал и расспросил И. А. Ганшина — участника тех событий.

В 1970 году с Сергеем Дмитриевичем случилась беда: после инсульта парализовало правую руку и правую ногу. Это ослабило его краеведческую работу, ведь теперь он мог печатать только одной рукой. Тем не менее, в 1972 году Васильев участвует в редактировании книги об истории Переславль-Залесской городской партийной организации (которая, увы, до сих пор не издана). Тогда же написан цикл статей «С рюкзаком по соседним городам» (о городах Золотого кольца),

Кстати сказать, в эти же годы редакция «Коммунара» тщательно собирала материалы Сергея Дмитриевича в особую папку, которая хранилась в редакционном музее. Там были его автобиография и фотографии.

В семидесятые годы большую серию фенологических статей дал в «Коммунаре» А. М. Кравец. Интересно отметить, что и здесь видна рука нашего героя! 29 мая 1974 года Васильев переслал Кравцу подборку своих материалов, собранных по многим источникам.

В конце шестидесятых заработал завод «Славич», и Переславль вырос почти вдвое. Сюда приехало много строителей, химиков, и поэтому газета обратилась к Васильеву с просьбой о статьях по истории и культуре города. Сергей Дмитриевич пишет циклы «Сегодня и вчера нашего города» (1971), «Экономика края вчера и сегодня» (1972), «Культура и быт края» (1973), «К 825-летию Переславля» (1977). В этой работе ему помогали сотрудники газеты «Коммунар» (Б. П. Рогожин и Н. С. Николаев), учитель В. И. Владыкин.

Об авторе 7

Вообще, интересы С. Д. Васильева не замыкались на Переславщине: известно, что он занимался селениями Судогодского, Селивановского и Муромского районов Владимирской области, разбирая историю конкретных сёл и деревень. Им составлены десятки путеводных буклетов и листков о городах Золотого кольца.

В ноябре 1982 года Сергей Дмитриевич умер. Его архив не был собран и передан на хранение самим автором, так что определённости здесь очень мало. Многие машинописи статей хранились в газете «Коммунар», но где теперь эти документы... Отчёты, тематические планы выставок и некоторые краеведные статьи собраны в архиве Переславского музея. Там же есть и его переписка с горкинским музеем.

Ю. Я. Никитина заведующая историческим отделом Переславского музея-заповедника

Книга С. Васильева «Переславль Залесский. Воспоминания» потрясает своей необычностью. Это рукопись, с любовью переплетённая и оформленная. На третьей странице автор написал слова посвящения: «Любимому городу, Переславлю-Залесскому, в год его восьмисотлетия, посвящаю и подношу эту книгу. 1952 год Москва». При каких обстоятельствах и кому книга была вручена — неизвестно.

Несколько лет она хранилась у П. В. Соболева. Вот как книга попала к нему:

Административное здание, длинный коридор. Стою у кабинета высокого чиновника, жду, когда меня примут. У двери — старый поломанный стол, отслужил своё. Его, наверное, уже списали и скоро вынесут вон. В ожидании, я машинально выдвинул ящик стола, в нём лежала книга. Когда она очутилась у меня в руках, я был потрясён сначала её видом, а потом, бегло пролистав, и её содержанием. Но более всего меня удивило равнодушие людей, которые не смогли по достоинству оценить эту книгу — дар городу, в которую автор вложил частицу своей души, в которой выразил свою любовь к древнему, 800-летнему Переславлю. Меня пригласили в кабинет. Я показал чиновнику книгу и просил разрешения взять её себе, если она не нужна. Получив положительный ответ, я вскоре бережно нёс домой свою уникальную находку.

Полвека книга была в забвении, объёмная, форматом с писчую страницу, хранящая в себе запах ветхости. Обложка сделана из толстой ткани — на тёмно-синем фоне светлый-серый растительный рисунок: цветы, листья, ветки. Изнутри обложка подклеена листом с растительным рисунком: на зелёном фоне — крупные серые цветы и листья.

Перевернём обложку, и перед нами предстанут пожелтевшие страницы, исписанные чёрной тушью прямым каллиграфическим почерком. В книге 150 страниц, половину из которых составляют иллюстрации. Из них — четыре фотографии, остальные — тонко, изящно выполненные от руки чёрной тушью, цветными карандашами и красками зарисовки. Бережно вклеенные листы мягкой прозрачной кальки предохраняют живописные иллюстрации.

Текст книги разделён на 9 глав. Перед каждой главой помещена страница с её названием. Буквы названия крупные, красиво вычерченные и залитые красной краской. Главы начинаются с буквицы, вписанной в узорную рамку.

Пробегаешь взглядом текст книги, отмечая места, где автор вновь приступал к своей работе после перерыва. Здесь почерк меняется: он то ровный, неспешный, довольно мелкий, то пошире, покрупнее, торопливый, то опять мелкий и спокойный. Это неудивительно: свою книгу С. Васильев писал не один год. На первой странице, под названием книги, есть надпись — «Москва. 1948 г.»; на третьей странице, под текстом посвящения, стоит 1952 год.

Об авторе

Более пятидесяти лет прошло с тех пор, как была написана эта книга о городе Переславле благодарным его почитателем, москвичом С. Д. Васильевым. Сохранить её сумел П. В. Соболев, патриот своего города и Переславского края. Это пример для всех, любящих наш прекрасный древнерусский город, и любой из нас может внести посильную лепту в копилку его истории. Пусть будет больше таких Васильевых и Соболевых, которые умели по-настоящему любить и ценить свой дом, город, Отчизну.

Ю. Ю. Епишкина

Анобимому Тороду, Переславлю-Залесскому, BodbMnGTTTXEMNY, Todk amar -1100 HOWY STING KHINCY.

На пути к городу

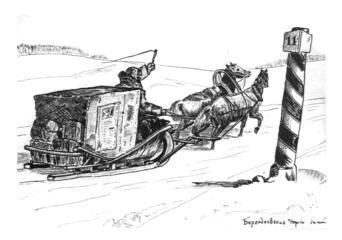
Обычно описание городов начинают с его географического положения. Не отступим и мы от этого. Переславль лежит на Московско-Ярославском шоссе под 56° 44′ северной широты и 38° 51′ восточной долготы. Ныне широко пользуются автомобилями, но в середине двадцатых годов попасть в этот «богоспасаемый град» можно было лишь со станции Берендеево, отстоящей от города в 21 километре.

Берендеево... Вспоминается старая сказка... Да сказка ли? Вот «Гридина городица» или «Берендеев городок» — на берегу бывшего огромного озера, ставшего теперь болотом. «Городок» возвышается над ним. В домиках живут торфяники. Под горой, почти утонув в болоте, чернеет камень. Он — не простой. Это бывший бог, когда-то стоявший в городке. Будучи свергнут при распространении христианства в этом краю, камень — «баба» — до сих пор не потеряла своего значения. Окрестные крестьянки, приходя на болото за клюквой, приносят каменной бабе подарки — разноцветные ленточки и несколько кустиков клюквы.

Недалеко от Берендеева — бывшие городки Вечеславль и Милославль, ставшие теперь маленькими деревеньками, около которых сохранились остатки земляных валов.

Когда на Берендеево приходят поезда, на станции томятся ямщики, громко зазывающие пассажиров доставить в город. В зависимости от времени года способ доставки разный: летом — ландо с откидывающимся верхом, с сохранившимися гербами на дверцах, а зимой — возки, по-видимому, ничуть не изменившиеся с XVII или XVIII века.

Ямская гоньба на Руси славилась всегда. Ещё в XVI веке иностранцы удивлялись быстроте передвижения по огромным просторам Московии. Это достигалось устройством хороших дорог и организацией специального сословия ямщи-



Возок на Берендеевском шоссе.

ков, живших в своих ямских слободах и пользовавшихся разными льготами. Около Переславля и сейчас есть такая слобода — село Ям. Но современные ямщики — это совсем не то, что ямщики того времени. С ямщиков начиналось знакомство с Переславлем.

Рассадив пассажиров, они отправляются в буфет и добавляют к ранее выпитому ещё солидную порцию водки. Потом садятся на облучки и трогаются... Везут по-разному. Поросятников — небольшого роста, с рыжей бородкой, лихо держит вожжи, размахивает кнутом и орёт во всё горло. Кони несутся по шоссе... Но вот последняя изба Берендеевского посёлка осталась позади и крики прекратились; кони пошли тихим шагом; Поросятников начинает дремать до следующего населённого пункта — села Ефимьева. Там он снова проснётся и с гиком, со свистом промчится дальше, до последней избы села, потом будет дремать до Короткова... По Переславлю он опять прокатит с шиком.

Братья Иконниковы ямщичили не только сами, но и держали работников. Старший брат — Иван Андреевич — уже пожилой, носил «запорожские» усы, сильно заикался и был

вечно пьяным. Говорил он очень быстро и понять его было невозможно. Иван Андреевич, несмотря на сильное опьянение, возил пассажиров осторожно и редко вываливал. Зато ехать с ним была му́ка. Он тащился не меньше четырёх часов. То и дело он останавливался, открывал дверцы, поправлял сиденья и каждый раз спрашивал:

— Ну, как? Удобно ли? Мягко ли?

Своими любезностями и заботами он так надоедал пассажирам, что те сначала упрашивали ехать быстрее, потом ругались, но всё было бесполезно.

Младший брат — Алексей Андреевич, или попросту Алёха, был небольшого роста и склонен к толщине. Перед отъездом он постоянно напивался так, что, засыпая по дороге, валился с козел. С ним было много забавных приключений. Однажды его оставили спать на дороге. Пассажиры сами доехали до города и отвели коней матери Иконниковых. А то его привязали верёвками на верх кареты, украсили берёзовыми ветками и в таком виде прокатили по городу, доставив удовольствие жадным до развлечения обывателям (это была моя затея). Как-то зимой, я тоже был участником этой забавы, его заставили пробежать за возком версты три в полной ямщицкой амуниции — валенках с галошами, ватных штанах, дублёнке, тулупе и халате. Долго он потом отказывался меня возить, боясь, чтобы я ещё чего-нибудь с ним не начулил.

Ямщик Кочнев отличался настоящим хулиганством. Так, например, зимой, довезя пассажиров до 11 версты, в самом поле, он останавливался, открывал дверцы и категорически требовал:

- Платите деньги за проезд, а то дальше не повезу!

Начинались уговоры, втолковывали ему, что деньги доставать и темно, и тесно, и холодно, но Кочнев стоял на своём. Приходилось платить. После этого, видимо, «добавив» по дороге из горлышка, проехав вёрст 5—6, он опять останавливался и не менее категорически кричал:

— Выходите к чёртовой матери, дальше не повезу!

Результаты этого требования были разные. Зависело, на кого нарвётся. Знающие Кочнева не обращали на него внимания, только плотней закутывались. Едущие впервые иногда и вылезали. Но случалось, что Кочнева валили с ног, сдирали с него армяк и тулуп, связывали и наваливали поверх возка. Кто-нибудь из пассажиров облачался в снятые одежды, садился на облучок и довозил до города. Такое приключение было и у меня.

Василий Коньков, Родышевский и Угрюмов пили в меру, держали себя чинно и странностями не отличались. Двое последних происходили из старых дворянских фамилий Переславского уезда. А если сами они не оставили о себе ярких воспоминаний, то в роду у них были весьма интересные истории.

Представим себе, что мы едем по разбитому берендеевскому шоссе, на котором ещё уцелело несколько «полосатых вёрст». Пока тащится наше ландо среди живописных полей и холмов, вспомним истории, случившиеся в семье Родышевского и Угрюмова, передающиеся переславскими старожилами. Первая из них в своё время прогремела так, что о ней писали даже книги.

По старому обычаю в каждой богатой и знатной семье был духовник, обычно пользующийся уважением священник или иеромонах, или даже игумен или архимандрит ближайшего монастыря. У Родышевских духовником был архимандрит Переславского Никитского монастыря — о. Феодор Бухарев. Это был образованный богослов, одно время ректор Казанской духовной академии, издавший много своих трудов по философии и богословию. Однако духовная цензура признала их вредными и автора упекли из Казани в глушь Владимирской губернии на должность архимандрита третьеклассного монастыря. В это время ему было всего 45 лет. Он отличался религиозностью, но не той, что известна под именем ханжества. Он верил, видимо, искренне и глубоко.

Родышевские его уважали и, помимо обязанности духовника, пригласили преподавать закон божий, катехизис и богословие своей шестнадцатилетней дочери Аннушке.

Надо же было случиться, что архимандрит влюбился в свою ученицу. Но удивительнее всего, что она ответила ему взаимностью. Положение Бухарева было трагическое. Он, верующий и религиозный человек, давший обет безбрачия, архимандрит монастыря, встал перед вопросом: Анна или монашеская ряса? Он долго мучался, но любовь его так захватила, что вопреки уставам церкви он решил уйти из монашества и жениться на Анне. Его заявление о снятии сана (а это было в восьмидесятых годах XIX века) произвело потрясающее впечатление в святейшем синоде. Как же?! Известный архимандрит снимает сан, потому что хочет жениться! Ничего подобного в истории русской церкви не было. Решено было отказать. Но когда обратились к формальным причинам, обнаружилось, что в канонических правилах нет запрещения снимать сан по собственному желанию, но нет и разрешения на это. Обратились к восточным патриархам, но те ничего не могли сказать, хотя и привели какието постановления вселенских соборов о возможности выхода из монашества, но по каким причинам, неизвестно.

Дело тянулось несколько лет, а любовь Анны и Бухарева не гасла. Архимандрит бомбардировал синод заявлениями. Наконец, на особом совещании Бухареву позволили снять сан. Влюблённые поженились. Бухарев остался жить в Переславле, но был окружён бойкотом «общества». Когда он шёл по улицам, ребятишки бросали в него землёй и кричали вслед:

— Расстрига! Христа на бабу променял!

Жизнь его была нелёгкой. Он страдал и морально и материально. Вскоре он заболел чахоткой и умер, а его жена дожила до глубокой старости, была известна под прозвищем «архимандритша» и умерла, забытая всеми, в 1919 году.

Тётка ямщика В. В. Угрюмова — Татьяна Васильевна была очень богата и под старость в Переславле играла ту же роль, как в своё время в Москве генеральша Глебова-Стрешнева:

А что скажет Татьяна Васильевна?

Слово её — закон. Сватают ли кого — к ней за советом, вывозят ли молодую девушку на бал — сначала к Татьяне Васильевне. Спектакли и даже обедню в соборе до её приезда не начинали. Если она едет за покупками, то купцы выносили товар из лавки и показывали ей; она не выходила из пролётки и в магазин не ходила. Словом, самодурству её не было конца; она была царь и бог. Что было причиной этому, сказать трудно. Едва ли одно богатство. Были и богаче её. Но её боялись и перечить не смели.

Страстью Угрюмовой были лошади. Лучше её лошадей не было во всём уезде. Если кто-нибудь приобретал хорошего рысака, Угрюмова старалась перекупить и всегда достигала своей цели. Ссориться с ней было нельзя — опасно.

На масленицу по главной улице города устраивались катанья на лошадях и первой всегда ехала Татьяна Васильевна. Если она едет шагом, то и остальные шагом, перейдёт на рысь, и остальные тоже. Обогнать спаси бог! Греха не оберёшься.

Но вот в городе появился другой любитель лошадей — новый судья. Вскоре он приобрёл американскую полукровку необыкновенной резвости. Держал он её втайне, чтобы слух о лошади не дошёл до Угрюмовой.

В ближайшую масленицу, как обычно, все выехали кататься. День стоял ясный и тёплый. На тротуарах шпалерами стоял народ, глазея на лошадей, красивую упряжь, возки и сани, разглядывая катающихся и судача, у кого что лучше. Татьяна Васильевна сидела в небольших санках, запряжённых парой лошадей, которыми правил важный и нарядный кучер. Угрюмовой захотелось быстрой езды. Она легонько толкнула кучера в спину и лошади понеслись. Остальные, конечно, скоро отстали. В это время из переулка совершенно

неожиданно выехал судья, сам правя лошадью. К изумлению собравшихся, он катил почти рядом с Татьяной Васильевной, догнал её, привстал, поклонился и пустился дальше, обгоняя Угрюмову. Трудно себе представить, что сделалось с ней. Её лицо исказилось гневом. Какой-то судья имеет лошадь лучшую, чем её пара! Мало того! Он имеет наглость обгонять её на глазах у всего города! Она этого не допустит! Угрюмова бьёт кучера в спину, кучер по лошадям, и судья отстал. Но тот чуть шевельнул вожжами, и лошади поравнялись.

Татьяна Васильевна встала и, держась одной рукой за кушак кучера, начала опять дубасить его по спине. Привстал и судья. Громко, так, чтобы все слышали, он начал покрикивать:

— Танька, не выдавай! Танька, нажимай! Танька, вывози!

Хохот прокатился по всей улице.

Это было выше сил Угрюмовой. Она приказала кучеру ехать домой. А судья ехал рядом, подхлёстывал свою лошадь и продолжал покрикивать:

- Танька, держись! Танька, не дай обогнать!

Скандал на весь город!

В тот же вечер Угрюмова подала в Окружной суд прошение о привлечении судьи к ответственности за оскорбление: в публичном месте он называл её Танькой.

Суд состоялся. Переславский судья объяснил, что виновным себя не признаёт, так как своими возгласами обращался к лошади, понукая её. Лошадь была вызвана для экспертизы и в присутствии суда окликнули её: «Танька!» Лошадь оглянулась. Было признано, что это её кличка, и судью оправлали.

С этих пор влияние Татьяны Васильевны значительно уменьшилось.

Езда продолжается больше трёх часов. Дорога разбита. Летом большинство предпочитают выходить из ландо и идти пешком, но зимой это невозможно. В возке набито 5—6 человек. Дышать трудно. А ухабы такие, что стукаешься головой о потолок, о стенку, валишься на соседей, а они на тебя. С непривычными делалась морская болезнь.

Но вот проехали лесок и показался город. Он расположился между двух гор, утонул в зелени, из которой выглядывают бесчисленные купола церквей. Позади города блестит озеро. По бокам сторожами стоят белоснежные монастыри.

Русская красота!

Мелькнул последний верстовой столб и ландо затарахтело по городской улице. Мы в Переславле-Залесском.



Бывший «тайный ход» в валу к Трубежу.

Взгляд в прошлое

Почти восемь веков отделяют нас от того момента, когда летописец, низко склонясь над книгой, вывел в ней замысловатой вязью, что Великий князь Юрий город Переславль «от Клещина перенесе и созда болши старого, и церковь в нём постави камену святого Спаса».

Эти строки Никоновой летописи, относящиеся к 1152 году, первое летописное свидетельство о Переславле, новом городе, который переял славу южных городов и, в отличие от Переяславля (Переяслава) на Днепре и Переславля Рязанского, был назван Залесским. В честь южного Трубежа и река, на берегах которой расположился город, была так же названа Трубежем. Первоначальное название реки до нас не дошло.

Клещин, упомянутый в летописи, был основан в IX веке как укреплённый пункт славян. Рядом с Клещиным расположился форт-монастырёк. Остатки его построек можно ещё и теперь найти на вершине Александровой горы. Как памятник Клещину на берегу озера сохранилось кольцо земляного вала, внутри которого теперь колосится рожь.

Юрий Долгорукий, владея Владимирским княжеством, был заинтересован в укреплении своей земли, через которую проходили водные пути, поддерживающие хлебную торговлю с Новгородом и Тверью. А через Переславль проходили кратчайшие пути: хлеб шёл вверх по Клязьме, вверх по Малой Нерли, волоком на озеро, по реке Вёксе, через озеро Сомино, по Большой Нерли в Волгу. В устье Большой Нерли было тоже укрепление — город Кснятин.

Самостоятельное переславское княжество образовалось в 1174 году. По своему значению это княжество было вторым после Владимирского и в его границы входили Зубцов, Волок Ламский, Дмитров и даже Тверь.



Водные пути Клещина и Переславля. Волоки: 1-5 км, 2-8 км.

Если не считать кратковременного княжения Ярополка Ростиславовича, первым Переславским князем был Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1175—1212 гг.) Его сын Ярослав, родившийся в Переславле в 1191 г., княжил после смерти отца и одновременно несколько раз призывался новгородцами как выбранный на вече Новогородский князь.

Ярослав отличался большой воинственностью и стремился сильно расширить свой удел за счёт соседей, но получил отпор и, проиграв битву на речке Липице (близ г. Юрьева-Польского), бежал в Переславль, растеряв свои доспехи. Шлем Ярослава был найден лишь в 1874 году и привезён в Оружейную палату.

Всё же Ярослав сильно возвысил Переславль. Это был не только город-крепость, но и культурный центр; в городе трудился свой «историк», оставивший нам летописный свод «Летописец Переяславля Суздальского», последовательно изложивший события до 1219 года; дошло до нас и «Моление Даниила Заточника» — литературное произ-

ведение, обращённое к князьям с требованием прекратить междуусобицы.

Торговля Переславля процветала; в 1215 году там было 130 новгородских и 15 смоленских купцов, приехавших со своими товарами.

В 1240 году Ярослав передал свой удел сыну Александру, который к этому времени был уже народным героем и имел прозвище Невский.

Незадолго до этого, в феврале 1238 года, хан Батый обратил Переславль в пепел. Александр восстановил его из развалин; но в 1247 году татары снова разорили город. Александр сумел договориться с ханом и получил ярлык на всю северо-восточную Русь. Ставши великим князем, он передал Переславское княжество своему сыну Дмитрию.

Княжение Дмитрия было очень тяжёлым для города. Междуусобные войны с братом Андреем Городецким, добивавшимся великокняжеского стола, привели к двукратному разорению города (в 1281 и 1293 годах) татарами, которых привёл Андрей, и в третий раз союзником Андрея — ярославским князем Фёдором. Город был сожжён, когда его пришлось вернуть обратно Дмитрию.

Князь Дмитрий умер в 1294 году и похоронен в Спасо-Преображенском соборе.

Его сын Иван, по свидетельству современников, «смиренный, тихий», недолго пожил после отца. Он умер в 1302 году, оставив свой удел младшему дяде — Даниилу Александровичу Московскому. Летописцы отмечают этот факт: «седе Данило княжити на Переславли».

Этим и кончается самостоятельное существование Переславского княжества, город спустился с высоты своего величия и стал сначала рядовым городом в составе Московских земель, а потом и захолустным во Владимирской губернии.

Но ещё несколько раз блеснул в истории этот городок, сначала в период Смутного времени, а потом при Петре Великом; и снова затерялся в градах и весях обширной империи, не проявляя себя ничем.

Сильно изменился сейчас облик этого города. Многих памятников старины не стало. Но ещё 20 лет назад Переславль являл из себя любопытную картину: несколько десятков церквей и пять монастырей расположились в зелени по обеим берегам Трубежа и на высотах вокруг города, пестря разноцветными стенами, куполами и крестами.

Новые времена бурно вторглись в быт города. Не стало тех «антиков», которые населяли его. Город вырос. Появились новые посёлки, новые фабрики, а с ними и новые люди.



Рождественские ворота кремля.

Кремль

Строго рассуждая, переславский Кремль нельзя назвать кремлём, потому что, во-первых, он стоит в низине, а вовторых, никогда не был каменным. Но мы привыкли называть кремлём город-крепость, вокруг которого расположился город-посад; поэтому то, что осталось от переславской крепости, мы будем называть Кремлём.

Переславский Кремль представяляет собою огромный земляной вал, около 2,25 километров в окружности, высотой от 11 до 17 метров и более 6 метров шириной (вверху).

Вал был насыпан в 1150-х годах и даёт точное представление о размерах города в момент его возникновения. Во всей средней полосе тогдашней Руси, кроме столицы — Владимира, не было подобной крепости. Если к этому добавить, что в 1195 году на ней была возведена деревянная стена с 12 башнями, устроен ров Гробля, то можно себе представить первоклассное значение нового города Залесского края Владимирской Руси.

Эта крепость не раз спасала жителей от нашествия врагов и давала возможность не только отсидеться за стенами, но и отразить тверичан в 1304 г., литовцев в 1372 г. и интервентов Смутного времени в 1611 и 1618 годах. Но татарам, владевшим более высокой боевой техникой своего времени, удалось шесть раз разорить и город и его крепость. Однако, когда в начале тридцатых годов XVII в. возникла угроза новой польской войны, из Москвы была послана бумага:

Аъта 7139 / 1631 Маія въ 14 день память села Усолья прикащику Поснику Комкову, указалъ Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Өеодоровичь всея Русіи дълать въ Переславлъ-Залъсскомъ Осипу Тимофеевичу Хлопову въ рубленаго города мъсто острогъ и башни въ сосновомъ

Кремль 25

и еловомъ лѣсу, а Юрьевъ-Польской посадъ и Юрьевской уездъ приписанъ весь къ тому къ острожному дѣлу въ Переславль Залѣсской, а лѣсъ велѣно сечь у всякихъ людей, гдѣ къ городу къ Переславлю ближе.

Кремль был снова укреплён, но его стены и вал не понадобились больше для ратного дела.

В 1759 году крепость упразднили; башни и стены за ветхостью снесли и осталась одна лишь земляная насыпь — безмолвный свидетель бурного прошлого Переславля.

Вал — прекрасное место для прогулок, излюбленное переславцами. Когда идёшь по валу, постепенно разворачивается панорама древнего города, зеркалом блестит Плещеево озеро, белеют среди зелени далёкие монастыри — былые сторожи города на важнейших дорогах.

Не знаю, пытались ли обсадить вал деревьями, но если бы они привились — это была бы чудесная аллея.

Вал прорезают несколько проездов. Это были ворота крепости: Никольские с юга, Рождественские с запада, Спасские с севера. Был когда-то и «тайный ход» из крепости к Трубежу, но он не сохранился. В позднейшее время сделан ещё один проезд — с востока, называемый Духовским.

Украшением Кремля и гордостью Переславля является Спасо-Преображенский собор, или, как его здесь называют, «Старый собор». Это древнейшая каменная постройка не только Переславля, но и всей Владимиро-Суздальской земли. Как свидетельствует упомянутый выше летописец, собор заложен в 1152 году и окончен постройкой в 1157 году. Поставленный не в центре Кремля, а вблизи северной части крепости, он, по-видимому, имел связь с ней или с княжеским дворцом посредством галереи с хор собора, где сохранилась заложенная дверная ниша.

Построенный из белого камня, купленного в далёком Булгарском царстве, Старый собор, несмотря на многочисленные разорения города, дошёл до нас почти в неизменном виде. Исключение составляет лишь глава, построенная поз-

же вместо старой — полукруглой, какая бывает у византийских храмов.

Внутри собор был украшен «дивной подписью», погибшей при «реставрации» собора в 90-х годах XIX века. Сохранилась лишь голова одного апостола; остаток этой древнейшей фрески можно видеть в одном из залов Исторического музея в Москве.

В соборе похоронены последние переславские князья: сын Невского Дмитрий и внук Невского Иван. Их гробницы также были «реставрированы» и вместо каменных саркофагов стали мраморными коробками.

Когда-то при соборе была деревянная звонница на двенадцати дубовых столбах, крытая тёсом.

Площадь перед собором носит название Красной. Она тоже свидетель многих событий: и многочисленных боёв, и бурных вечевых собраний, когда в 1174 г. Ярополк брал с переславцев клятву на верность, или в марте 1303 г., когда «переяславцы яшася за сына его [Данилова] Юрья и не пустиша его на погребение отче». В 1380 году на площади собралось ополчение, которое участвовало в Куликовской битве; ополчением командовал воевода Саркиз, геройски погибший в сражении.

Недалеко от Старого собора находится так называемый «Новый собор» — бывший Сретенский монастырь, закрытый в 1765 году. Храм и колокольня построены в 1740 году, колокольня снесена в конце двадцатых годов XX века, и она была, пожалуй, самым высоким сооружением города. В «Новом соборе» устроен хлебозавод, а в другой церкви библиотека

Около Старого собора сохранился ещё один замечательный памятник древнерусского зодчества. Это шатровая церковь Петра митрополита. Время её постройки неизвестно, но архитектурные формы позволяют отнести возникновение храма к XVI веку. Он типичен для своего времени: на высоком подклете с галереями поставлено крестообразное основание, заканчивающееся закомарами; выше стоит восьмерик

Кремль 27



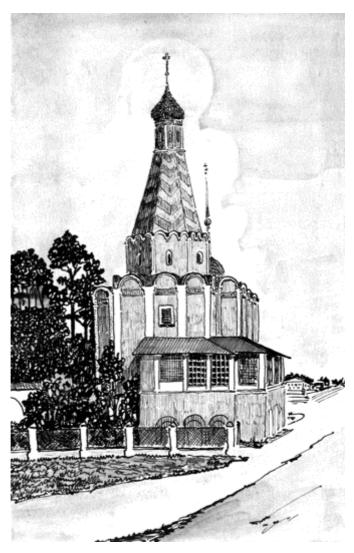
Спасо-Преображенский собор (1152—1157 годы).

с подобными же украшениями, а на нём восьмигранный шатёр, заканчивающийся небольшим фонарём с грушевидной главой. Низ церкви служил для хранения государевой «пушечной и пороховой казны и свинца».

Возникновение этого храма связывают с событием, происходившем в Переславле в десятых годах XIV века, когда московский митрополит Пётр был обвинён в продаже церковных должностей. Это, по сути дела, был очередной спор Москвы и Твери за первенство, и тверской князь «подводил мины» под могучего союзника московского князя — митрополита всея Руси с целью дискредитировать его. На соборе присутствовало множество духовных и светских князей и даже представитель вселенского патриарха. Пётр был оправдан. Он сохранил добрую память о Переславле и собственноручно нарисовал икону божьей матери со следующей надписью: «Божиею благостию написася сей образ в пресловущем граде Москве от имени креплеющейся рукою Петр митрополит на благословение усердному прошателю во град Переславль затворником монастыря в лето 6318 (1310) Господня. Благословен дом и место яже тя Матерь Божию имат и с верою приимет». Переславцы не остались в долгу и соорудили каменный храм в честь московского покровителя митрополита Петра, своим авторитетом возвысившего молодое Московское княжество.

В Кремле сосредоточены почти все переславские учреждения. Здесь же было два городских сада: один около Нового собора, а другой между бывшей гимназией и домом исполкома. Во втором был сооружён театр — огромный сарай. Строил его машинист Художественного театра К. Зайцевский в двадцатых годах XX века. В этом сарае не только демонстрировали кинофильмы, но и с успехом играли приезжавшие в Переславль артисты. Ставили здесь и драмы, и комедии, и оперетты, давали неплохие концерты. Последние часто организовывались из местных любителей. К чести переславской молодёжи следует сказать, что в своё свободное время она не предавалась безделью, дракам, кар-

Кремль 29



Церковь Петра митрополита (XVI век).

там и пьянству, а занималась большим культурным делом. Исключение составляли лишь немногие, главным образом сынки нэпманов.

Переславская молодёжь показала городу даже оперы — «Кармен», «Русалку». Году в 1929 или 30-м был устроен большой концерт, приуроченный к памяти Чайковского. Мы сговорились с гастролировавшими артистами устроить этот концерт совместно. В первом отделении дали сцены из «Евгения Онегина», во втором романсы и дуэты Чайковского. Подготовка заняла недели две. Были напечатаны огромные афиши. В день спектакля полил дождь. Мы все боялись, что «зал» сарая будет пуст. Часов до 5 вечера ещё ни одного билета не было продано. А тут ещё Онегин — В. К. Людевиг захрипел, простудив горло; его отхаживали сырыми яйцами. К шести часам собрались в театр. Я начал распоряжаться декорациями и на ходу повторять своё вступительное слово о Чайковском, которое писал и зубрил на чердаке иконниковского дома, где жили Былинины. А дождь не прекращался. И вдруг в 7 часов прибегает кассир и объявляет: «Аншлаг!»

Вечер прошёл с большим успехом и переславцы ждали повторения, но уже была осень, а сарай тёк.

Большую роль в музыкальной жизни города сыграл учитель пения сначала гимназии, а потом школы II ступени А. А. Козлов, ученик знаменитого Чеснокова. За свою полувековую деятельность он вырастил большое число певцов и привил молодёжи любовь к музыке. Правда, долгое время он был регентом в соборе, и светские хоры под управлением Аркадия Аркадьевича отдавали церковным пением. Но главное — возбудить любовь к музыке — им было сделано. Поэтому когда в Переславле организовалась музыкальная школа, она была многочисленной.

Немалую роль в музыкальном воспитании более молодых переславцев сыграла семья Былининых, все члены которой и пели, и играли на струнных инструментах в совершенстве.

Кремль 31



В кремле. Соборы и церковь Петра митрополита.

Впоследствии в саду была выстроена огромная сцена, а сарай-театр сломали.

В саду, конечно, летом ежедневно играл духовой оркестр, составленный из любителей, и молодёжь прогуливалась по тёмным аллеям — группа девушек, за ней группа молодых людей, потом опять девушки, опять молодые люди, и так без конца, кругом, не перемешиваясь. Любители танцев кружились на площадке перед оркестром, подымая тучи пыли. В глухом уголке под кустами сирени и акаций за столиками сидели «глушители» пива, которое ловко разносил на огромных подносах, гарцуя между кустами и столами, старик официант Титыч.

В этом саду я познакомился, впервые приехав в Переславль в июле 1926 года, с Замыцкими — Марусей и Лёней, с Дусей Житниковой и другими, сделавшимися моими друзьями.

Свой первый приезд в Переславль, вместе с мамой, я провёл у Алексея Владимировича Брюхова, старого прияте-



Дом Брюховых (XIX век).

ля моего отца. По дороге, когда мы ехали из Берендеева, он предупредил, зная меня как ярого безбожника:

— С сёстрами — ни слова о политике и о религии!

Въехали в бывшие Спасские ворота, свернули в переулок и очутились у маленького одноэтажного домика, про который можно сказать: «не доходя упрёшься». Скрипнула калитка, согнувшись, прошли через скрипящие сени, и нас встретили сёстры Алексея Владимировича, почтенные старушки, которым вместе было около 200 лет. Обе они страдали отчаянной глухотой. Впоследствии, собираясь у них и, по обычаю молодёжи, зубоскальствуя, мы почти вслух говорили куплеты при появлении которой-нибудь из них:

А вот ещё вам чучело, Сотлевший туалет. Старуху крепко скрючило За эти десять лет.

Их домик, находящийся в самом Кремле, чрезвычайно похож на домик «старосветских помещиков»; даже двери

33 Кремль

скрипят своими голосами, каждая на особый лад. Двор зарос травой, её щиплет коза Дунька. Бродят сонные куры, у которых свои клички вроде café o'lait. Покосившиеся сараи, баня, беседка. За ними чудесный фруктовый сад, в который выходит терраса. Комнаты в доме низенькие, с маленькими окнами. Стены украшены самодельными рисунками, старинными гравюрами, фотографиями, полочками и тёмными иконами. Украшением столовой служит лежанка из цветных изразцов XVIII века, которые рассказывают историю любви некоего «лыцаря». Но Брюховы не ценят лежанки. На ней пыль, кастрюли, щепки.

Дом Брюховых типичен для старого Переславля. Он построен в сороковых годах XIX века. К описанию его жителей мы ещё вернёмся.

В Кремле находится прекрасное новое здание школы № 1, построенное на месте старинного, XVII века, домика Чечелёвых (снесён в 1914 году).

Хороши по своей хитектуре особняки бывшие Павлова и Варенцова. большинство домов однообразные - три-четыре окна по фасаду, слуховое окно и непременная завалинка.

Характерно, что Кремль до нашего времени сохранил своё лицо средневековья. Из 207 магазинов и лавок города на территории Кремля в 1927 году торговали только четыре.



по улице Крестьянка.

¹ Кофе с молоком (ϕp .)

Сторожи

Вокруг древнего города и на горах, и в низинах живописно раскинулись переславские монастыри. Их расположение ясно указывает, что возникновение монастырей было не случайным. Все они были построены на дорогах, идущих из Переславля. Дорог было много, поэтому и монастырей много:

- московскую дорогу «сторожили» Фёдоровский и Горицкий монастыри на дальних подступах и монастырь у Никольских ворот Кремля;
- дорогу на Углич и Кснятин защищали Никольский «на болоте» и Борисоглебский «на песках»;
- в устье Трубежа стоял Введенский монастырь;
- на севере запирали дороги Борисоглебский «над озером» и Никитский монастыри;
- восток, как менее опасное направление, был защищён лишь Введенским монастырём.

Впоследствии, когда надобность в фортах-сторожах города миновала, большинство монастырей было упразднено. Вместо них остались лишь приходские церкви.

До нас дошли в своём былом величии пять «сторожей». Четыре из них представляют из себя выдающиеся памятники материальной культуры прошлого.

Первым монастырём, с которым я познакомился, был Горицкий, где расположился Переславский музей. В те времена музей представлял из себя скорее кунсткамеру, чем подлинное научное учреждение. Михаил Иванович Смирнов, знаток и историк Залесского края, при всей своей любви к городу, при огромной исследовательской работе, которую он провёл, был типичным буржуазным историком либерального толка. Он силился перестроиться на подлинно науч-

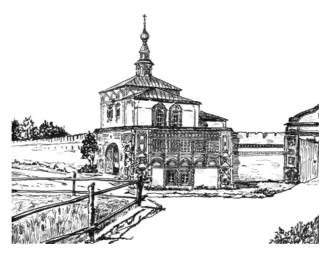
Сторожи 35

ную основу, но марксизм для него был недосягаем, так как он его «приял» внешне, а внутренне остался тем, чем был и до революции. Поэтому надо отдать ему должное как собирателю всевозможнейших материалов по истории, географии, этнографии, флоре и фауне, фольклору Переславщины; он сумел в бурные годы революции вывезти из помещичьих имений мебель, фарфор, книги и даже гардеробы бежавших владельцев. Но мне кажется, что задней мыслью у него было — сохранить: если власть советская рухнет, владельцы будут благодарны за сохранение, а если укрепится, будет ему почёт за собирание музея.

В тридцатые годы вместо него был назначен Константин Иванович Иванов. Многие ахнули. Как? Поставить во главе музея молодого человека, простого рабочего с фабрики! А только немногие знали, какой это был удачный выбор. Несмотря на весьма неблагоприятные условия жизни, он не только работал, но и учился; не только учился вообще, но и занимался рисованием. Он любил свой Переславль, интересовался стариной, был активистом музея. Почва для роста его, как историка города, была благоприятная. Ему создали условия, и К. И. Иванов сделался подлинным советским учёным. Его пример лишний раз подтверждает, какие возможности роста людей существуют у нас теперь.

К. И. Иванов сделал музей подлинным источником культуры, где можно не только смотреть достопримечательности, но и учиться. Музей ныне — очаг большой научной работы, живёт одной жизнью с городом и помогает городу стать из уездного захолустья настоящим советским городом, центром советской культуры всего района.

Горицкий монастырь, где теперь расположен музей, известен с давних пор. Уже в первой половине XIV века он упоминается в документах как знатнейший из монастырей. О его величии говорит нам подпись горицкого архимандрита на договорной грамоте князя Симеона Гордого с братьями. Этот факт примечателен и тем, что договор Симеона — самый древний известный нам бумажный документ.



Горицкий монастырь. Ворота, вид с восточной стороны.

Сожжённый татарами монастырь в 1392 г. восстановила на свои средства великая княгиня Евдокия, жена Дмитрия Донского. Но на беду монастыря в 1744 году была образована особая Переславская епархия, и монастырь, владевший 8 000 десятин [8 740 га] земли с 5 000 крепостных, был отдан «на прокорм» архиереям. Владыки, получив такое богатство, начали усиленно наводить благолепие в монастыре. Про одного из них, Серапиона, сохранилась нелестная характеристика, что он был горазд разрушать и, начиная постройки, не заканчивать их. Таковы же были и остальные преосвященные. Учёные богословы снесли все старинные здания — Успенский собор 1528 г., церковь Ивана Предтечи и другие. К счастью, уцелели замечательные ворота XVII века, своего рода шедевр древнего зодчества: богатые украшения напоминают по своему рисунку шитые полотенца. Множество мелкой отделки, колонки, бусы, впадины, отличающиеся и формой и размерами, в целом создают гармоничность и напоминают о поре расцвета древнерусского искусства, самобытного и не повторяющегося.

Сторожи 37



Горицкий монастырь. Успенский собор (1757 год).

Монументальный собор монастыря построен в 1757 г. при епископе Амвросии Зертис-Каменском, который стал потом архиепископом Московским и был убит в 1771 г. в Донском монастыре во время «чумного бунта». Внутри собора пышный золочёный иконостас в стиле рококо и изящная лепная отделка. Но так как с западной стороны архиереи начали строить «Гефсиманию» (колоссальное здание, которое должно было занять площадку между собором и церковью Всех Святых), — и не достроили её, а в 1883 г. эти руины были и вовсе разобраны, то собор представляется каким-то куцым.

Стены и колокольня также XVIII века.

На северо-восточном берегу озера, над Галевым оврагом белеет своими стенами Никитский монастырь.

Время его основания неизвестно, но несомненно, что он уже существовал во времена процветания города Клещина, а в восьмидесятых годах XII века являлся известным мона-

стырём. Один из местных уроженцев, некий Никита, бывший в пятидесятых годах княжеским сборщиком податей, отличался своим лихоимством. Предание рассказывает, что впоследствии он, мучимый раскаянием, ушёл в монастырь великомученика Никиты, где «ископа себе столб», в котором и заточил себя, надев железные вериги. От долгого ношения эти вериги сделались настолько блестящими, что прельстили грабителей; те думали, что цепи серебряные. 11 мая 1186 года воры убили Никиту и украли вериги.

Современные здания монастыря в своём большинстве относятся ко второй половине XVI века и к началу XVII века, за исключением надвратной колокольни, выстроенной в начале XIX века.

Никитский собор с приделом Никиты столпника построен в московском стиле: куб с пятью главами и тремя апсидами, к нему пристроен придел с одной апсидой, пятая апсида — декоративная. Внутри собора от старины ничего не осталось, за исключением оригинального медного паникадила XVII в. «о шестнадцати шандалах с яблоком»; верхом его служит орёл, а не крест, что свидетельствует о его дворцовом происхождении.

Собор, как и остальные монастырские здания и стены с башнями, был закончен постройкой в начале 1560-х годов. На освящение 12 мая 1564 г. сюда прибыл из Александровой слободы Иван Васильевич Грозный. Во время торжественного богослужения он сам читал молитвы «и красным пением со своей станицею пел».

Трапезный Благовещенский храм, настоятельские покои и старая колокольня представляют единое монументальное здание, богато украшенное наличниками, фигурными карнизами, закомарами, кокошниками и даже изразцами ярких и разнообразных рисунков. Внутренность «покоев» позднее переделана, от XVI века там не осталось ничего.

В одной из комнат неоднократно останавливался Пётр Великий, приезжая в Переславль в 1688—89 гг. «пробовать» озеро для кораблестроения. Над этой комнатой — «бухарев-

Сторожи 39



Никитский собор (1564 год).

ская» комната, в которой жил архимандрит Фёдор Бухарев, женившийся на Анне Родышевской.

На берегу озера, у подножья высоты, на которой стоит монастырь, до 1920-х годов стояла деревянная часовенка над колодцем, вырытым, по преданию, Никитой столпником. Монастырские записи утверждают, что водой из этого колодца исцелился от болезни царевич Иван Иванович, сын Грозного. Удивительного в этом ничего нет, так как до сих пор вода содержит в себе примеси различных минеральных солей, а четыреста лет назад их было, возможно, больше.

В 1611 году Никитский монастырь оборонялся от поляков, но неискусный гарнизон не смог выдержать осаду и погиб под артиллерийским огнём врага. Но поляки не могли воспользоваться крепостью и вскоре бежали, бросив свои пушки; те сохранились до сих пор.

Ещё в начале тридцатых годов прогулка в Никитский монастырь доставляла истинное удовольствие. Среди желтеющей ржи, на фоне синего озера и голубого неба, он сверкал своей белизной. Сконцентрированные на небольшой площади монастырские здания давали удивительную картину стройности и единства стиля, что встречается довольно редко в монастырских ансамблях. Это результат единовременности основных построек. Внутри монастыря был прекрасный фруктовый сад. Здания считались филиалом Переславского музея и их можно было осматривать. Было и что осматривать!

А в 1949 году внутри монастыря мерзость запустения. Собор стоит без стёкол, проёмы заложены кирпичом, колодец загажен, сада нет и в помине. Территория захламлена соломой, тряпьём и железом, «столп» Никиты полуразрушен. Здания почернели, облупились, стёкла выбиты, крыши проржавели. Больно было видеть, что этот памятник XVI века стоит без хозяина. А ведь какой дом отдыха можно тут сделать! Или разместить учебное заведение!

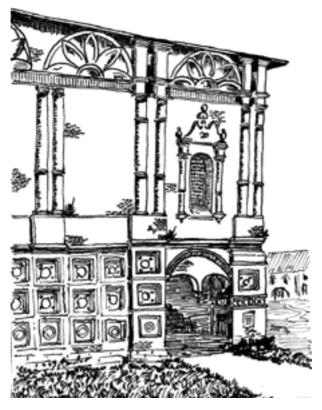
Сторожи 41

Данилов монастырь получил своё наименование по имени Даниила, игумена Горицкого монастыря, переславского уроженца. Использовав свои придворные связи при Василии III, он получил урочище Божедомье для постройки церкви над могилами умерших безвестных людей, но выстроил целый монастырь. Днём его основания считается 15 июля 1508 года. Позднее, когда Даниил стал крёстным отцом Ивана Грозного, в монастырь потекли щедрые вклады и он скоро превратился в крупное феодальное гнездо.

В 1532 году был выстроен Троицкий собор, но последующие пристройки и перестройки сильно изменили его первоначальный облик; в основном собор — одноглавый куб. В 1689 г. к нему пристроена шатровая колокольня. Сохранились сведения, что построить её стоило 623 рубля. Но такая «дешевизна» обманчива: в то время в Москве на 1 алтын (3 копейки) можно было купить 18 фунтов [7,4 кг] ржи или 4 фунта [1,6 кг] мяса, или 1 курицу (по исследованию П. П. Смирнова). Надо полагать, в Переславле цены были много дешевле.

Большинство зданий монастыря — трапезная, братский корпус, стены и другие были выстроены в 1690-х годах на средства постригшегося в монастырь боярина Ивана Петровича Барятинского, бывшего посла в Швеции. Несмотря на переделки, здания и сейчас являются характерными для архитектуры конца XVII века.

В начале XVIII века в монастыре разыгралась скандальная история с «открытием» мощей игумена Даниила. Архимандрит Варлаам Высоцкий, решив увеличить доходы монастыря, вздумал «открыть» мощи основателя, похороненного в монастыре. Зная, что Пётр I, относясь к разным святостям скептически, запретил всякие открытия мощей, Варлаам обратился в Синод с просьбой разрешить перенести останки Даниила, лежащие в соборе «в утеснении». В синоде не знали, что Даниил почивает в земле, и разрешили «перенесение». С огромной помпой останки были вырыты, положены в раку и, став «открытыми мощами», начали творить чуде-



Данилов монастырь. Церковь Похвалы Богородицы (XVII век).

са, привлекая в монастырь массу народа. Доходы потекли широкой рекой. Но узнал об этом Пётр. Гневу его не было предела: он прекрасно помнил Переславль и знал, что Даниловы мощи были «под спудом», то есть в земле. Вызвав Варлаама в Петербург, царь дал ему нагоняй и заставил собственноручно написать признание, или исповедь, которую велел читать во всех церквах вслух. В этой исповеди Варлаам пишет, как «по суетной своей дерзости» он обманом получил разрешение и «вынял из земли человеческия весма

Сторожи 43



Данилов монастырь. Троицкий собор (1532 год).



Данилов монастырь. Колокольня (1689 год).

распавшияся кости под именем ево Данииловых мощей», как «вместо груди и рук и ног наложил доволно бумаги хлопчатой и башмаки ветхия приложил», как «ввёл в соблазн» и монахов, и народ. Варлаам был переведён из Переславля, но «святые мощи» остались и творили чудеса до самого вскрытия в 1919 году.

Сторожи 45



Фёдоровский монастырь. Фёдоровский собор (1557 год).

Фёдоровский монастырь был основан в 1304 году на месте битвы москвичей с тверичанами за обладание Переславлем.

До нас дошли постройки позднейшего времени. Старейшее здание — собор Фёдора Стратилата, построенный в 1557 году. Ограда монастыря — 1681 года. Остальные церкви поставлены в начале XVIII века.

Несмотря на смешение стилей, монастырь живописен и, располагаясь на высшей точке южного предместья, открывает прекрасный вид на город. Надо отдать справедливость предкам: они обладали большим вкусом, выбирая места для строительства монументальных архитектурных ансамблей.



Никольский монастырь. Собор (1680—1721 годы) и колокольня (1693 год).

Последний из сохранившихся монастырей, Никольский был основан около 1350 г. уроженцем д. Веслево (расположена близ города, между Ботиком и Соломидиным) Дмитрием Прилуцким. Современные нам постройки — начало и середина XVIII века, типичны для провинциального зодчества и особого интереса не представляют.

Город

Своё первое знакомство с Переславлем я начал, как это ни странно, не с жителей, а с построек. Я часами гулял по тихим улицам города и любовался оставшейся стариной. Никогда не понимал, как можно равнодушно пройти мимо покосившегося домика с резными наличниками на окнах, необыкновенным коньком на крыше и крыльцом с «волокушей», или не заметить древней церковки с затейливыми украшениями на окнах, главах и апсидах, башенок с почерневшими ангелами...

Всякая наша старина давала мне повод подумать о прошлом родной земли, которое вовсе не было тёмным, как многие думают, бескультурным и диким. Наоборот, для своего века каждая эпоха в жизни Руси была на высоте своего положения. Несмотря на многочисленные тормозы — междуусобицы, татарское иго, Смутное время, русская культура черпала из неиссякаемого источника — самого народа — всё новые и новые формы своего проявления. Об этом говорят известнейшие произведения живописи — русские иконы и фрески, летописные своды, сказания, жития князей и святых, многочисленные памятники прикладного искусства, величайшие творения старых русских зодчих.

И не только в «центрах» тогдашней Руси, но и в её глуши росла эта культура, оставив нам и литературное, и художественное, и архитектурное наследство.

Бродя по Переславлю, ныне тихому, вспоминаешь его прошлое и на каждом шагу находишь удивительные произведения культуры прошлого. И горько становится от мысли, что в наше культурнейшее время находится много невежд, относящихся презрительно к старине и считающих её якобы мешающей развитию новой культуры. Особенно много было таких невежд в Переславле в двадцатых годах; из-за них по-

гибло немало памятников старины. Эти невежды, занимавшие «посты», или не знали, или забыли, что «мы не сможем построить даже фундамента новой культуры, если не усвоим себе старой культуры и коммунистически в ней не разберёмся» (Ленин). И ныне от переславской старины осталось очень немногое. Но в середине двадцатых было ещё много любопытных уголоков, рассказывавших нам о далёком пропилом

В 1292 году в домике у церкви Николы, в честь которой были названы и южные ворота Кремля, умер старик-пономарь, служивший в церкви более 30 лет. Он был одинок и славился своей отшельнической жизнью; питаясь скромной пищей, он отдавал свой заработок нуждающимся, а свободное от службы время проводил в неустанном труде. Говаривали, что он носил вериги.

Покойника начали готовить к погребению. И велико было удивление причта, когда у пономаря обнаружили богатый золотой перстень и какие-то бумаги. Безвестный пономарь оказался князем Смоленским Андреем, который вследствие политических и семейных раздоров скрылся из своей столицы и пришёл в Переславль, не открывая себя.

27 октября 1540 года игумен Даниил добился у своего крестника, Ивана Васильевича Грозного, канонизации Андрея. К слову сказать, не надо думать, будто провозглашение «святым» было только делом церкви. В то время не знали иного признания величия человека, кроме канонизации. Этим обеспечивалась подлинно вечная память о самых выдающихся людях: появлялись их биографии — жития, портреты — иконы и памятники — церкви их имени.

Таково происхождение церкви князя Андрея у вала, построенной в середине XVIII века на месте деревянной.

В конце XVII века здесь образовался женский монастырь. А в тридцатых годах XVIII века переславцы были удивлены приездом в монастырь воинской команды, аресто-

вавшей игуменью и монахинь. Оказалось, что монастырь сделался центром хлыстовщины и в нём проходили радения, в которых участвовали монахини всех переславских монастырей, крестьяне окрестных сёл и деревень. По приговору суда игуменья Арсения Михайлова была наказана кнутом, у неё вырвали ноздри и отправили в ссылку. В 1764 году монастырь был закрыт.

Неподалёку от Андреевской церкви, на полянке, окружённая кустарником и фруктовыми деревьями, стоит изящная церковка, по своему облику резко отличающаяся от всех церквей города.

Это — Смоленская церковь, или, как её здесь зовут, Корнильевская, построенная в 1696—1705 годах. Она представляет изящное русское барокко, причём очень скромное; интересна в ней сочетание гражданского и церковного зодчества. Над тёплым храмом имеется теремок, а с западной стороны примыкает двухэтажное здание, над которым колокольня, богато украшенная поясками, карнизами и перемычками. Над окнами и здания и церкви — изящные наличники, карнизы опоясаны бахромой, по углам пилястры.

Внутри церкви много интересных икон: Боголюбская божья матерь 1679 г. письма Феофана Протопопова, Борис и Глеб XVIII в., резное изображение явления Христа апостолу Фоме, наконец, образ Корнилия Молчальника, написанный Антипой Казариновым.

В тёплой церкви гробница Корнилия — местного святого, мощи которого «ещё не прославлены такими чудесами, как прочих угодников Божиих в Переславле; почему и служат по нём только одни панихиды», как повествует описание города, относящееся к 1847 году.

На этом месте в древности был тоже монастырь, основан в XIII веке, а упразднили его в 1764 г. «На Бориш день» 1252 г. татары неожиданно напали на город, в битве погиб



Князь-Андреевская церковь (XVIII век).

Город 51



Смоленская Корнилиевская церковь (1697—1705 годы).

воевода Жидислав, в память этого события и был поставлен монастырь — Борисоглебский Песоцкий.

Живописно место на Трубеже у Сергиевского моста, названного по имени стоявшей на здешнем берегу Сергиевской церкви. Трубеж тут очень широк, над ним склонились старые ивы. Здесь же и лодочная пристань, а напротив, на правом берегу, излюбленное место переславских босяков и пьяниц, которые, растянувшись на траве, либо тянут водку, либо играют в карты, либо отсыпаются. Место укромное, за домами, и удобное: два шага до винной лавки.

Сразу за домами начинался базар, на площади которого высились церкви князя Владимира и Козьмодемьянская, и городская водонапорная башня. Обе эти церкви, провинциального ампира конца XVIII века, уже не существуют.

В Козьмодемьянской церкви до последнего времени священником был Яновский, пользовавшийся большим уважением у переславцев. Он, например, принимал клятвы у пьяниц.

Одним из постоянных «пациентов» был Николай Сергеевич Бацын. Отдутое плоское лицо с маленьким тупым носом, крошечные глазки, вечно небритая щетина седых усов и бороды, мокрые пухлые губы, взгляд пристальный, но совершенно бессмысленный. Рост выше среднего, фигура и походка обезьяньи. Таков Николай Сергеевич, замечательный часовой мастер.

Пройдя суровую школу жизни, он сделался великолепным работником, настолько безукоризненным и аккуратным, что ему доверяли чинить сложные геодезические инструменты. В своё время он собирался открыть в Переславле свой часовой завод, но этому помешала война.

Чрезвычайно практичный и расчётливый, строгий и требовательный, он всех детей, а их было очень много, обучил своему ремеслу раньше, чем грамоте, и даже дочь сделал часовых дел мастером; он рассуждал, что пока есть возмож-

Город 53



Владимирская церковь на базарной площади (1803 год).

ность, пусть они приобретут специальность, а если потом захотят, образование получат сами.

Но вино сгубило этого прекрасного мастера и человека.

Пьяным он забывает всё: дом, работу, детей. Он пьёт несколько месяцев подряд, а вместе с ним пьёт жена — Анна Емельяновна, её мать, уже глубокая старуха, пьют старшие дети и масса «приятелей», охочих попить за чужой счёт. Сначала пропиваются деньги, запасы «золотишка», потом вещи, закладываются взятые в ремонт часы...

Трудно описать, что делается в это время у них в доме. Валяется винная посуда, разбросаны объедки закусок, какие-то тряпки; бродят с плачем голодные малыши... Кругом все пьяны, иные «до положения риз», иные ещё что-то бормочат...

Постоянные дурачества царят у Бацыных в это время. То Бацын борьбу устроил, то ночью идут кататься с горы, да такой, что трезвому и днём-то на неё взглянуть страшно; при этом, чтобы не простудить голову, Бацын надевает на неё не шапку (она потеряна), а чулок Анны Емельяновны. Катание обыкновенно кончается синяками, а иногда и потерей зубов.

Однажды он почувствовал себя очень плохо; вино «не лечило» и решили позвать доктора. Врач пришёл, осмотрел Бацына, прописал ему лекарства. Бацын начал угощать доктора водкой; тот не отказался. Кончилось дело тем, что оба напились, затеяли борьбу и доктор так приложил больного об печку, что тот едва жив остался. В другой раз он стал бороться с первым силачом города — Борисом Хухлаевым, товарищем своего сына Михаила — и доборолись до того, что оба слетели со второго этажа по внутренней лестнице, полнявшись в синяках и ссалинах.

Но всё это прекращалось, когда он вдруг почувствует, что надо кончать пить. Он занимает три или пять рублей, берёт бутылку водки и отправляется к Яновскому «давать зарок». Поклявшись над крестом и евангелием, он в послед-

 $\Gamma o p o \partial$ 55



Неглинная улица.

ний раз напивается и уже на другой день в доме полный переворот.

В городе тоже «событие»: Бацын дал клятву!

Домашние начинают ходить по струнке — Бацын трезвый деспотичен; работают от зари до полуночи; каждая копейка у него на счету, и тяжело приходится Анне Емельяновне и Михаилу. Кое-как они «сообразят» на половинку, но выпить надо умеючи, чтобы «сам» не заметил! И вот где-нибудь за печкой потянет Анна Емельяновна из горлышка и в слезу её ударит, что муж у неё тиран, загубивший её жизнь. Анна Емельяновна спускается вниз, к дочери, и несмотря на сидящих гостей, начинает жаловаться на судьбу. Дочь её урезонивает:

- Мама, идите к себе, успокойтесь! Как вам не стыдно!
- С Анной Емельяновной перемена. Она разъяряется, потрясает кулаками и кричит:
- Ты фараон, Евгения! Гордая! Фараона за гордость с неба спихнули и тебя спихнут!

На такие реплики присутствующие обычно разражаются хохотом. И вообще, появление Бацыных где бы то ни было,

когда они под градусом, всегда вызывало смех, хотя оба они были жалки. Но они сами на себя смеялись и смешили своими выходками. И в городе часто вспоминали, что Бацыны где-нибудь опять «начудили».

Бацыны были настолько достопримечательны для своего времени, что их мирок, являвшийся противоположностью передовой части города, стоит описать. Это был мирок, типичный для характеристики той части населения, которую презрительно звали «мещанской». У этого мирка интересы не уходили от пьянства, карт, сплетен; в этом мирке вращались бывшие купцы, а потом нэпманы и их потомство, крупные «хозяева» конца двадцатых годов, имевшие «своё дело» — какую-нибудь мастерскую или заводишко: паточный, кирпичный или кожевенный. Словом, это были людиантики, ныне отошедшие в вечность не только физически, но и социально.

Один из таких «мирков» вращался вокруг Бацыных и тут разыгрывалось немало забавных историй, о которых потом долго говорили в городе.

С Бацыными я познакомился в свой приезд зимой 1926—1927 годов совершенно случайно. На другой день после Новогоднего бала в Народном доме, где большинство были в маскарадных костюмах, я зашёл в часовую мастерскую, помещавшуюся внизу церкви Сергия. Меня встретил мужчина лет тридцати. Я попросил его вставить новое стекло.

- Какого вы мнения о моей жене? вдруг спросил он меня. От этого вопроса я опешил и поинтересовался, кто же его жена.
- Она вчера подходила к вам на балу в костюме цыганки.

Я вспомнил, что действительно, какая-то цыганка предлагала мне погадать; с ней была ещё цветочница. Что я ответил на заданный вопрос, не помню, но разговор завязался и Владислав Иванович Ерге, хозяин мастерской, пригласил меня к себе поиграть в шахматы. Я согласился. С этого на-

 $\Gamma o p o \partial$ 57

чалось знакомство. Жена Владислава Ивановича была Евгения Николаевна, дочь стариков Бацыных.

Манеры, разговор, умение держать себя — всё это выгодно отличало её от родителей и их быта. Она любила хорошие вещи, умела со вкусом обставить свою комнату. Благодаря отцу она сделалась хорошим часовых дел мастером. Выйдя замуж за оставшегося у нас после плена офицера бывшей австро-венгерской армии Ласло Ерге, превратившегося во Владислава Ивановича, или, как звал его весь город, «пана Ерге», она и мужа выучила своему ремеслу. У них была собственная мастерская.

Но у Евгении Николаевны были и черты, которые приносили много мучений и переживаний умному, скромному, хозяйственному, культурному и высоконравственному пану Ерге. Она была любительница весёлых компаний, лукулловых пиров, азартных игр, а главное, не могла равнодушно видеть мужчин. Переславские жители рассказывали мне многие похождения Евгении Николаевны. Она закончила разводом с паном после 20 лет супружества и новой свадьбой с человеком, который годился ей в сыновья.

Первый вечер у Ерге мы провели очень хорошо; много говорили с Вячеславом Ивановичем, поиграли в шахматы и, коль скоро я не предпринимал никаких шагов ко флирту с его женой, был приглашён к ним на бал по случаю именин Евгении Николаевны. Впоследствии я узнал, что удостоился особой чести, так как пан никогда не приглашал к себе малознакомых мужчин, боясь возникновения нового романа у Евгении Николаевны. Не знал я также, что ни один вечер у Ерге не обходился без каких-нибудь эксцессов. Первый вечер тоже был «со скандальчиком», но о нём речь будет ниже. А сейчас, как пример, опишу первый день Пасхи 1927 года.

Я приехал с ночным поездом прямо к Ерге. Мне очень обрадовались. По этому случаю было «возлияние Бахусу», после которого Ерге стали собираться в гости к Былининым.

У меня с ними было «шапочное знакомство», и хотя весной я был несколько раз в Москве у Наташи Былининой, но, не будучи зван, сначала не решился к ним идти. Впрочем, Ерге меня уговорили и я согласился.

Мы все стояли одетые, дожидаясь Евгении Николаевны. Пан стоял у окна и рассматривал мою чёрную бамбуковую трость с цветной резьбой. Вдруг раздался звон разбитого стекла. Пан схватился за голову, по полу покатился булыжник. Мы выскочили на улицу и увидели, как пьяный М. Филиппов опять кидает камень в стоящего Н. С. Бацына; последний, хоть и был тоже «силён», но, как старый солдат от гранаты, бросился в кювет, полный воды и грязи, и тем избежал удара. Хулигана отправили в милицию, Владислав Иванович пошёл в больницу. К Былининым мы попали за полдень и весело провели время до вечера.

Вечером же должен был состояться бал у Ерге.

Огромная компания собралась за столом у Ерге, заставленным батареями бутылок и блюдами с закусками. После обильных «возлияний» каждый гость веселился и проводил время как хотел. Кто плясал, кто разговаривал, кто продолжал за столом прикладываться. Борис Былинин, взяв граммофонный рупор, басил в него какую-то арию. Шура Яковлев без перерыва крутит граммофон. Я вожусь у фисгармонии. Кто-то в уголке с азартом шлёпает в карты, некоторые дремлют в глубоких креслах.

Продолжавшие сидеть за столом дурачились: круг краковской колбасы клали на голову, в середину ставили рюмку, сосед наливал и пил, а вместо закуски перекладывал колбасу к себе на голову. Владислав Иванович, абсолютно трезвый, но тоже очень весёлый, доставал из разных углов комнаты припрятанные заветные бутылки с водкой. Начали «доходить до чёртиков». Видя это, Евгения Николаевна не даёт мужу больше доставать бутылки. Но вот подымается Борис Хухлаев... Через мгновение раздаётся какой-то плюхнувший звук. Оказывается, Хухлаев пустил в Евгению Николаевну кругом колбасы и угодил прямо в лоб. Евгения

Город 59



«Тонущий дом» № 98 по улице Кардовского.

Николаевна выскочила из-за стола и дала Борису несколько пощёчин. Гости насторожились: вот оно, начинается!

Владислав Иванович пытается ещё унять страсти и ставит бутылку на стол, но Евгения Николаевна убирает её.

— Змея! — кричит Хухлаев. — Вина для меня пожалела! — и, оборачиваясь ко Владиславу, продолжает прерывающимся голосом: — Ты знаешь, какая сволочь твоя жена? Когда ты уезжаешь, я лежу на этой кровати с ней! Я больше ей муж, чем ты!.. — и пошёл в том же духе.

Скандал форменный! Несчастный пан сделался белее снега. А Хухлаев, понося Евгению Николаевну, хватает тяжёлое дубовое кресло и бьёт им по стальному сундуку; щепки летят по всей комнате. Слетает со стола скатерть и с нею рюмки, стаканы, тарелки, бутылки. К Борису подступиться опасно — может убить. Случайно, подножкой, валят его на пол, связывают и уносят...

Чувствуя ужасную назревающую драму, гости начинают собираться по домам, но на улице проливной дождь.

В эту минуту в комнату влетает Анна Емельяновна в пёстрой кофте и высокой причёске с красным цветком бумажным, конечно, уже под градусом. Ей начинают говорить о случившемся и добавляют, что дело может дойти до развода.

— Чёрт с вами, разводитесь! — вдруг кричит Анна Емельяновна. — Идите только моего Бацына спасайте: он у Волковых в канаве валяется.

Дружный хохот заставляет на минуту забыть только что виденную драму.

— Эй, Прусов! — продолжает Анна Емельяновна. — Думаешь, коль в штатском, так и хорош? Всё равно милиция! Иди Бацына выручай!

Кто-то отправился за Бацыным. Остальные остались. И снова продолжается тяжёлая семейная драма со взаимными упрёками и слезами. А в это время вводят Бацына... Он в шубе, без шапки, всё лицо в грязи, сверкают только белки и зубы. Пытается обнять какую-то гостью:

 $\Gamma o p o \partial$ 61

— Красавица! Христос воскресе! Давай поцелуемся! Гости начинают от него бегать, опять забывается драма, начинаются смех, крики... Но пора всё же уходить...

Мне было неудобно оставаться у Ерге. Борис Былинин пригласил меня к себе. Былинины жили в доме Иконникова на углу Неглинной улицы и Ростовского переулка, напротив замечательной церкви в стиле раннего классицизма — Ивана Предтечи, постройки 1730—35 годов. Дом был по-провинциальному просторен и очень уютен, а семья гостеприимная и дружная.

Мы долго сидели и обсуждали причины и следствия произошедшего у Ерге. Что бы ни было, но все решили, что Хухлаев поступил по-хамски и оправдания ему нет. На другой день мы с Борисом Былининым отправились к Ерге. Их застали за дележом имущества. Вид обоих был ужасен. Я пустил в ход всё своё красноречие, а в это время Борис обшарил шкафы и нашёл бутылку с водкой и блюдо котлет. Супругов уговорили помириться, они поцеловались, все чокнулись. Инцидент, пусть внешне, был исчерпан.

С виновником этой драмы Борисом Хухлаевым я познакомился у Ерге в тот самый день, когда по приглашению пана явился на именины к Жене.

Время проходило весело, я был в ударе, пел новейшие цыганские романсы, куплеты, рассказывал анекдоты. Значительно позже остальных гостей, когда присутствующие были уже «на втором взводе», появилась новая гостья. Это была Наташа Былинина. Нас познакомили. Она оказалась прекрасной певицей, и Анна Емельяновна её подзадоривала:

— Ну, московская! Не отставай от москвича! Он всех вас за пояс заткнёт.

Я начал её угощать, прося «догнать», а потом мы с ней пели, а в перерывах разговаривали.

В это время я заметил удивительно хмурое лицо какого-то молодого человека, оно было искажено от злобы.

Молодой человек глядел на меня в упор. Но я не обратил на него особенного внимания и продолжал шутить с Наташей. Вдруг ко мне подошёл Михаил Бацын и попросил на минутку выйти. В кухне Михаил мне сказал:

- Отойдите от Наташи, а то Борис Хухлаев будет с вами драться.

Я засмеялся.

Не смейтесь, он очень сильный.

Я махнул рукой и вернулся в комнату, решив позадорить Хухлаева. Продолжая разговаривать с Наташей, я наблюдал за Борисом. Он выходил из себя. Вдруг он исчез, за ним ушёл и Михаил; потом он вернулся и опять попросил меня выйти. В кухне стоял Борис Хухлаев. Когда я вошёл, он буркнул:

- Стреляться на пять шагов!
- Пойдём, ответил я и мы вышли на двор, освещённый яркой луной. Я был спокоен. Не оглядывясь, прошёл по снегу пять шагов и обернулся. Приятели стояли у двери. Я вытащил коровинский браунинг и взвёл его.
 - Ну? спросил я.

Такого оборота приятели, видимо, не ожидали. Бочком они протиснулись в дверь и скрылись. Убрав пистолет, вернулся и я. В комнате ни Бориса, ни Михаила не было. Они ушли наверх и больше не появлялись.

Удивительно молчаливый и тихий в трезвом состоянии, Борис был настоящим телёнком. Но стоило ему выпить, как он превращался в зверя. Бывли случаи, когда он, разозлившись, вытаскивал с корнем сосну толщиной сантиметров в 12 и, как палкой, махал ею направо и налево. А пил он много и умер лет тридцати от паралича.

Семья Хухлаевых когда-то была богатейшей в городе: у них были свои лавки, кирпичный завод и лесной склад. Сам Хухлаев — Афанасий Захарович — умер глубоким стариком. Но почти всего его сыновья, в прошлом силачи необычайные, кончили плохо. Валентин спился и его нашли убитым у лавки Центроспирта; Алексей, хлебавший

 $\Gamma o p o \partial$ 63

водку ложкой из тарелки, умер от туберкулёза; Сергей теперь страдает туберкулёзом горла.

Эти типичные представители старого мира умерли физически раньше, чем представляемое ими сословие умерло социально. Такой же конец постиг и тех Бацыных, которые не поспели в ногу с жизнью.

Изо всех Бацыных только двое, что рано ушли из дому, сделались настоящими советскими людьми. Это Николай и Борис, младшие сыновья Николая Сергеевича.

Описывая некоторых переславских «антиков», ныне совсем исчезнувших, нельзя не вспомнить Алексея Владимировича Брюхова, который «ввёз» меня в Переславль.

Алексей Владимирович, в прошлом полковник, происходил из старинной дворянской семьи, ведущей своё начало от Тверского князя Михаила. Утеряв впоследствии княжеский титул, Брюховы сделались мелкопоместными дворянами, а потом и безземельными, существуя службой. В их роде было много исторических личностей, в числе которых можно упомянуть знаменитого Потёмкина; портрет его племянницы и сейчас висит над постелью последней Брюховой — Софии Владимировны. Семья Брюховых была большая: четыре брата и три сестры. Братья получили военное образование, а сёстры — институтское; после институтов все они занялись учительством. Алексей Владимирович окончил юнкерское училище и в 1884 г. получил офицерское звание, но избрал педагогическую деятельность и остался воспитателем в III Московском кадетском корпусе.

Последние Брюховы были типичной старой дворянской семьёй со всеми её достоинствами и недостатками. Получив хорошее образование, они в то же время были совсем неприспособленными к жизни. В семье были признаки вырождения: все три сестры, помимо общей глухоты, отличались большими странностями психического свойства; один из братьев заслужил в городе прозвище «дикий барин»,

так как бывал в буйном помешательстве. Случаи психического расстройства бывали в их семье и раньше. Поэтому ещё в молодости все Брюховы решили прекратить род. Своё условие они сдержали, за исключением одного брата, который женился в зрелых годах и остался за границей.

Живя в Москве холостяком, Алексей Владимирович был любителем выпить, поесть и поиграть в карты. За картами он проводил всё свободное время и, по его словам, выиграл всего за свою жизнь до 1914 года около 40 000 рублей.

За 30 лет службы Алексей Владимирович дослужился только до капитана. С началом войны он, несмотря на свои 50 лет, ушёл добровольцем на фронт; после ран, уже полковником, вернулся обратно в корпус. Октябрьскую революцию старый офицер встретил недоброжелательно, но не пошёл с большинством своих товарищей. Оставшись в голодной Москве, он стал преподавать в Школе красных командиров. Ему оставили казённую квартиру, дали паёк, и более десяти лет Брюхов учил математике будущих командиров Красной Армии. Но силы уходили, да и развивающаяся глухота мешала преподавать, и он ушёл на пенсию. Платили немного, зато оставили ему квартиру при училище. Неутомимый старик купил чулочную машину и стал вязать. Качество чулок было прекрасное, заработок рос.

Тем временем в Переславле у него жили три сестры — Александра, Елизавета и Софья Владимировны. Последней было около 60 лет. Все они получали пенсии, жили в собственном доме, имели огород, сад, козу, но жили всё же скверно. Тогда Алексей Владимирович ликвидировал свои дела в Москве и переехал к сёстрам. Дела пошли лучше: Брюхов был толковым и умелым хозяином. Сад, огород, коза, дом, пенсия, уроки и чулки давали возможность жить безбедно. Но спокойная жизнь чуть не нарушилась из-за головотяпства местных властей. Брюховых задумали «раскулачить», отобрали пенсии, продовольственные карточки и смотрели уже на дом. Алексей Владимирович поехал в Москву в приёмную Ворошилова. Его принял адъютант.

 $\Gamma o p o \partial$ 65

Рассказав вкратце свои злоключения, он закончил примерно так:

— Я почти полвека был на военной службе, из них четвёртую часть готовил советских командиров в самое тяжёлое время. Получив пенсию, уехал на родину, отказавшись от квартиры, оставленной мне пожизненно. Ведь если бы я не уехал, меня бы не трогали. Почему же в Переславле меня всего лишают?

Адъютант успокоил старика. Переславскому военкому послали нагоняй, и когда Алексей Владимирович вернулся, местные власти лично извинились перед Брюховыми и всё им вернули. Будучи уже под семьдесят, Брюхов купил корову и ухаживал за ней сам: косил траву, убирал хлев, доил, торговал молоком. Софья Владимировна развела чудесный мичуринский сад и выращивает прекрасные фрукты и ягоды.

На почве своих привязанностей брат и сестра часто ссорятся. Когда Алексей Владимирович делает замечание по поводу сада, Софья Владимировна сердится:

- Я не говорю тебе про корову, а ты не говори мне про сад.

И наоборот. Малейшее поползновение Софьи Владимировны, относящееся к корове, и Алексей Владимирович выходит из себя:

— Я не лезу в твой сад. Оставь в покое мою корову!

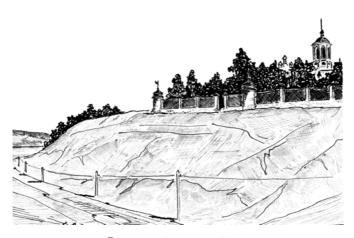
Но вообще старики дружные. Только Алексей Владимирович возмущается наивностью, непрактичностью и романтической сентиментальностью сестры, резюмируя это репликой «ду-у-ура!» 1

Вернёмся к памятникам старины. Их осталось немного. Бывшие церкви — Семёна столпника 1771 г. в растреллиевском духе, но с нелепой шатровой колокольней; Ивана Златоуста 1803 г., провинциальный классицизм; Покрова 1789 г., провинциальный ампир.

¹ Алексей Владимирович Брюхов умер в начале 1948 года.

Наиболее интересным памятником было Борисоглебское кладбище, бывший Борисоглебский Надозёрный монастырь, один из самых древних в Переславле, возникший в эпоху распространения христианства. Он был митрополичьим, патриаршим и синодальным домовым монастырём, а в 60—70-х годах XVIII века загородным архиерейским домом. Упразднён в 1764 г. и обращён в кладбище. В нём руины Владимирской церкви XVIII века. Около Борисоглебского кладбища — слобода, когда-то бывшая типичной. В 1519 г. в ней было 18 дворов, а в них 20 человек: 6 сапожников, 6 ложечников, 2 гвоздочника, 1 ковшечник, 1 укладник.

Под горой слободы тянулись рядом кузницы, почему и улица получила название Кузнечной. Неподалёку от неё руины одной из первых переславских фабрик — Темерина, возникшей в начале XVIII века. Вторая крупная фабрика в то же время была основана купцом Угрюмовым; она выросла в огромное предприятие с 3 000 рабочих (четверть всего городского населения) и называется теперь бумагопрядильной фабрикой «Красное эхо». Здания её высятся на восточной окраине города. Кроме неё — две фабрики механической



Борисоглебское кладбище.

вышивки; это производство своего рода монополия Переславля, таких крупных фабрик вышивки нигде нет.

В тридцатых годах выросла фабрика киноплёнки. Она расположена в центре города, у Сергиевского моста. Вместе с ней выросли новые посёлки на северной и северо-восточной окраинах.

Неподалёку от неё, около вала была Духовская церковь постройки XVIII века. Когда-то в ней было два священника, из коих второй вдовый, с сыном; умер первый священник и второй обратился к переславскому епископу с просьбой утвердить его штатным священником, а сына пономарём. Епископ Феофилакт Горский на заявлении написал резолюцию, не лишённую остроумия: «Отцу и сыну от Святого Духа отказать!»

Здесь же, около вала, протекает заросшая речка Мурмаж, которая когда-то служила водяной защитой крепости с востока, впадая в Трубеж у Спассих ворот. Против Духовской церкви в валу был проделан проход (дело было в XVIII веке) и его стали по старой памяти звать Духовскими воротами.

Около Андреевской церкви, вдоль южной и западной сторон вала проходил ров, соединявший Мурмаж с Трубежем. Этот ров «впадал» в Трубеж на месте, называемом «Большая песочница» и начинавшемся сейчас же за валом. Задолго до основания и Клещина, и Переславля, ещё в эпоху неолита здесь поселился человек. До сих пор на берегу реки и на дне её находят черепки, характерные для неолитических стоянок.

Несколько далее на левом же берегу высится церковь Знамения «в кораблях». Своё прозвище церковь получила от построенных в 1722 году во исполнение указа Петра сараев для хранения остатков петровских кораблей на лугу недалеко от церкви. Сараи эти с кораблями впоследствии сгорели.

Здесь же, поблизости, выросла целая слободка Троице-Сергиева монастыря, который в 1425 г. при Василии Васи-



Вал, «Большая песочница» и церковь Знаменья «в кораблях».

льевиче получил право купить двор «тяглой, служен или черной, кто им продаст», а к 1543 г. превратил его в посёлок, «что у них в Переяславле в Залесском двор на берегу на реке на Трубеже, и у тог деи двора был луг, и на том деи лугу поставили собе 11 дворов монастырских». Впоследствии монастырь потерял это право и его слободка слилась с городом.

Далее по Трубежу, за Знаменским мостом, направо желтеет Ильинская церковь XVIII века, а подальше от не $\ddot{\rm e}$, налево — Филипповская.

За нею, сверкая между зелени, появляется Переславское озеро.

Озеро

Не было бы озера, не было бы и Переславля на его берегу. Далёкие предки селились только у воды. Летописец отмечал: «На Ростовском озере меря, на Клещине озере меря же». Это древнейшее документальное свидетельство о жизни людей на берегу озера. Археологи основательно перекопали берега и нашли тысячи предметов обихода первобытного человека. Такие раскопки производились и у села Веськова, и у Симака, и особенно на северном берегу, в районе села Городище и Александровой горы.

Плещеево озеро, или, как его звали в старину, Клещино, было когда-то значительно бо́льшим. Легко видеть, что его берега проходили на востоке в районе села Красного и деревни Коротково, а на западе подходили к селу Усолье. Таким образом, место, где теперь расположился Переславль, было озёрным дном. Уменьшилось озеро потому, что в эпоху неолита река Большая Нерль, выходившая из озера, размыла валунную гряду за селом Святовым и озёрные воды схлынули в Волгу. Но и теперь Плещеево озеро всё ещё велико: имея овальную форму, оно протянулось почти на 11 километров, при наибольшей ширине в 5 километров. Дно озера песчаное и воронкообразное, наибольшая глубина 31,5 метра. Строение дна не даёт задерживаться потонувшим посторонним предметам; силой волн и ледяных торосов весной они выбрасываются на берег.

Интересна в этом отношении история Синего камня, огромного трёхсотпудового валуна, стоящего ныне на северном берегу.

Синий камень — бывший бог. В своё время он находился на Борисоглебской горе и в дохристианскую эпоху являлся предметом поклонения. Пришедшее христианство не могло этого искоренить. Ещё в XVIII веке местные жители устраи-

вали вокруг камня игры и танцы, украшали камень; грызли его, веря, что это помогает от зубной боли. Усмотрев в этом идолопоклонство, Иринарх Ростовский приказал борисоглебскому дьячку закопать камень. Выполняя приказ владыки, дьячок выкопал яму и столкнул в неё камень, а сверху засыпал землицей. Но прошло несколько лет и нарушенная структура берега под влиянием вешних вод обнажила камень. Народ опять стал собираться вокруг него. А дьячок почему-то заболел и умер; молва приписала это мести камня. Тогда приказали снова зарыть его, но вскоре камень опять «явился» и пролежал до 1788 года, когда начали строить Духовскую церковь. Камень решено было использовать на фундамент. Зимой спустили его и погрузили на огромные сани из брёвен. Но «бог» не захотел ехать. Своей тяжестью он проломил лёд и утонул. А через 50 лет вышел на северный берег озера и устроился неподалёку от Александровой горы. Рыбаки, застигнутые непогодой, спасаются около него от дождя и ветра; камень имеет около 120 см высоты и более 2 метров длины.

Александрова гора — холм, насыпанный искусственно. На холме было языческое капище, а потом монастырь. Вершина горы до сих пор зовётся «Ярилиной плешью». Среди жителей сохранилось поверье: чтобы не быть бездетной, женщине следует сидя сползти с плеши вниз.

Рядом с горой высятся валы города Клещина, за которыми пестреет село Городище. Документально оно известно с 1564 года, когда Иван Грозный подарил его Никитскому монастырю. От бывшего города осталось лишь двор монастырский, 4 двора работников, 5 дворов крестьянских, 6 бобыльских и 2 пустых (1629 год).

В районе Городища в 1853—54 годах было разрыто 1 406 курганов. В Москве в Историческом музее можно видеть многочисленные предметы, извлечённые во время раскопок.

Западный берег озера начинался Кухмарским сосновым лесом, ныне сведённым. За ним шли болотистые заросли, тянувшиеся до Урёва. Урёв — это исток реки Вёксы, выте-

Озеро 71



Синий камень.

кающей из озера. Берега здесь болотистые, но с песчаными отмелями, поросшими мелким кустарником. Это утиный рай. Впрочем, теперь говорят, что не охотник увидел стаю уток, а утка спряталась от стаи охотников.

От левого берега Вёксы западный берег озера получил название «Симак» — от бывшего здесь некогда кожевенного завода Симакова. На песчаном берегу начинается сосновый лес, идущий к югу километра на два, а к западу до самого села Усолья. По-видимому, в старину здесь было небезопасно путешествовать. Об этом свидетельствуют сохранившиеся названия: «Татин куст» и «Теремок».

Человек на этом берегу озера поселился сейчас же, как озеро обосновалось в современных границах. Как-то году в 1928-м я принимал участие в археологических раскопках. Это была превосходная прогулка под руководством Михаила Ивановича Смирнова. По правде сказать, многого мы тогда не нашли, но пребывание здесь неолитического человека установили по найденным черепкам и примитивным каменным инструментам.

Лет через пять здесь развернулось было строительство авиазавода. Как-то раз мы выезжали туда давать концерт. Я тоже принял в нём участие, исполнив свои «коронные» номера: «Затянут шёлком тронный зал», «Сергей-пролетарий» и другие. Пели Борис Былинин, Наташа и кто-то ещё из нашей компании.

Потом строительство прекратилось и в молодом сосновом лесу развернулся пионерский лагерь. Трудно себе представить лучшее место для летнего отдыха: сосновый лес, песчаный берег, озеро с едва видными противоположными берегами и при заходе солнца сверкающий белизной, встающий из воды, как сказочный Китеж, — Переславль.

Многочисленные компании приезжают к Симаку на пикники по субботам, и тогда тихие берега оглашаются музыкой и пеньем, а вечерами озаряются кострами.

Сколько раз и мы там бывали! Какое огромное удовольствие доставляла сама прогулка туда по озеру! При тихой погоде двигались на вёслах. Медленно уходил от нас город, словно погружаясь в воду. Неподалёку от лодки то и знай всплёскивает рыба. Кружат чайки. Панорамой проходят северный и южный берега. Но если ветер, ставим паруса и лодка, разрезая волны с пенящимися барашками, бежит по волнующемуся озеру. Не раз нас заставала настоящая буря и тогда приходилось выбрасываться на ближайший берег. Так с нами, молодыми родителями, получила первое крещение трёхнедельная Танюша. Вода, видно, ей предназначена была судьбою: она вышла замуж за моряка.

За Симаком песчаный берег озера идёт до «Гремячей мельницы». Она примечательна тем, что работает от одного лишь ключа, прозванного Гремячим. Это название произошло не то от легенды, что гром ударил в гору и из неё выбился родник, не то от того, что ключ этот гремит и летом и зимою, не замерзая даже в самые лютые морозы. Анализ воды показал, что она содержит много минеральных примесей и железа.

Озеро 73

Сейчас же за Гремячём берег озера резко меняется, здесь он сильно заболочен. Лишь в полукилометре от озера берег круто поднимается, образуя 40—50-метровые холмы, покрытые густым лиственным лесом, переходящим в парк усадьбы Ботик. Отсюда и до самого города берега безлесны. Но на них живописно расположилось село Веськово, напоминая о жившем здесь когда-то племени весь.

Село Веськово упоминается уже в 1400 году как владение Горицкого монастыря. В 1693 году село передаётся в дворцовое ведомоство со всеми постройками: потешным дворцом и деловым двором, в котором строилась Переславская флотилия Петра І. Впоследствии это историческое место попало в частные руки и только в 1847 году сделана была усадьба Ботик, куда собрали всё, что сохранилось от кораблестроения.



Сретенская церковь (она же Александра Невского, 1785 год).

Ботик

Одним из самых живописных уголков в окрестностях города, несомненно, является усадьба Ботик, раскинувшаяся на южном берегу озера. Своё название она получила от хранящегося в ней ботика «Фортуна», единственного от первой русской эскадры судна, дошедшего до наших дней.

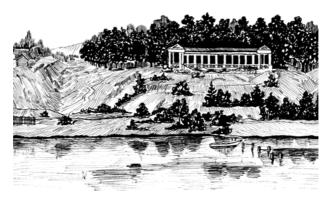
В огромном парке с вековыми берёзами, липами и дубами, сбегающими с горы к озеру, всегда можно видеть много переславских жителей, приехавших на лодке или пришедших пешком из города, чтобы провести здесь свой отдых. Здесь же — музей, где хранится «Фортуна», беседки и летний дворец 50-х годов XIX века, триумфальные ворота, построенные по проекту художника Жеребцова в 1852 году, и памятник Петру Великому из финляндского гранита, поставленный по проекту Кампиони также в 1852 году. Перед музеем петровские якоря.

Услыхав из рассказов, что неподалёку от Москвы есть озеро, где можно плавать под парусами, молодой Пётр под предлогом богомолья в Сергиеву лавру примчался в Переславль. Царь был очарован озером и решил строить на нём верфь. Это было весной, в апреле 1688 года.

Строительство кораблей продолжалось несколько лет. Пётр часто приезжал в Переславль и подгонял мастеров, чтобы флотилия строилась скорее. С небольшими перерывами всю зиму и весну 1692 года Пётр провёл в Переславле, и наконец 1 мая 1692 г. все суда были спущены в озеро при пальбе из пушек. Манёвры продолжались несколько дней и привели Петра в восторг. Он вернулся в Москву и убедил мать, сестру и жену поехать поглядеть создание своих рук. К 1 августа в Переславль прибыли и двор, и потешные.

Ранним утром 1 августа потешные выстроились на берегу под командой Гордона, а флотилия красовалась на озе-

Εοπικ 75



Усадьба Ботик, вид с озера.

ре под начальством генерал-адмирала Лефорта. Пётр был на своём фрегате бомбардиром и палил из пушек; кораблям салютовали потешные с берегов. Празднества продолжались целый месяц.

Первый парад первой русской военной флотилии прекрасно воспроизвёл на своей картине академик Д. Н. Кардовский; эта картина находится в музее и пользуется заслуженным успехом, она называется «Петровский флот на Переславском озере 25 августа 1692 г.»

На переславских верфях было выстроено более 160 разных судов. Часть их была выведена через Вёксу, озеро Сомино и Нерль на Волгу, где послужили основанием Каспийского военного флота. Другая часть осталась в Переславле и была сосредоточена на Трубеже около церкви Знамения, которая с тех пор получила название «в кораблях».

Прошло тридцать лет... Пётр уже «прорубил окно в Европу» и имел настоящий морской флот. В феврале 1722 года царь приехал в Переславль. Велики были его гнев и досада, что остатки его детища находятся в ужасном состоянии. Сараи сгнили, часть кораблей, стоявших прямо в воде, за-

тонули, снасти были растащены. Рассерженный, он тут же написал указ и отдал его воеводе Переславской провинции стольнику Семёну Фёдоровичу Барятинскому. Раздражённым почерком Пётр писал: «Надлежитъ вамъ беречь остатки кораблей, яхтъ и галеры; а буде опустите: то взыскано будетъ на васъ и на потомкахъ вашихъ, яко пренебрегшіи сей указъ». 1

Но переславские воеводы «опустили», не уберегли остатки флотилии. Сохранился только один бот «Фортуна», который хранится в специально выстроенном музейном здании. В стенах его собраны остатки снастей и детали убранства петровского дворца. Тут же чугунный бюст Петра, бронзовый бюст работы Магжио (Италия) 1878 г. и портрет Петра XVIII века.

В память первого парада на Ботике устраивались гулянья в «Петров день» 29 июня (по старому стилю). Этот обычай праздновать рождение нашего флота у его колыбели вошёл в быт и нашего времени. В день Военно-морского флота СССР на Ботике собираются не только местные жители: приезжают писатели, спортсмены, военные моряки.

Потомки не воевод, а старых посадских людей, которые по воле Октября сами стали воеводами, свято выполняют указ Петра — беречь остатки его детища. Потомки интересуются прошлым и с затаённым дыханием каждый раз слушают увлекательные рассказы К. И. Иванова о первых днях русского военного флота.

И если в Переславле появляется новый человек, его обязательно спросят: «А вы были на Ботике?» — и непременно повезут туда, подробно рассказав, чем знаменито это историческое место.

Так было и со мной. На второй же день моего пребывания в Переславле мне был задан этот вопрос, и на третий

¹Февраля 7 1722 года. Именный, данный Воеводам Переяславским. О бережении остатков кораблей, яхт и галер // Полное собрание законов: Собрание І. — СПб., 1830. — Том 6. — С. 510, № 3903.

Εοπικ 77



Усадьба Ботик, триумфальная арка.

день новые друзья повезли меня смотреть Ботик. Впоследствии мы часто большими компаниями ездили туда гулять и весело проводили весь день до поздней ночи. Характерно, что на территории этой усадьбы никто никогда не жёг костров. Переславцы боялись, как бы не случилось несчастья.

Здесь же, на Ботике, у меня произошло «объяснение» с Наташей, которое закончилось свадьбой через полгода.

Рыбная слобода

И судьи спрашивали в правде у переславской Сельди: «Сельдь, скажи ты нам про Леща и про Ерша и промеж ими про Ростовское озеро»... Так начинается допрос свидетеля — Переславской Сельди — в старинной «Повести о Ерше Ершове сыне Щетинникове». В приговоре ещё сказано, что «печатал Рак своей заднею клешнёю, а у печати сидел Вандыш переславский».

Таким образом, два представителя рыб Переславского озера были настолько известны, что увековечены в древней литературе.

Качества переславской сельди высоки; как особый деликатес она подавалась к столу московских великих князей, а потом царей, и к столу московских патриархов. В делах московских приказов вели учёт этой редкостной рыбы. Известно, что в 1686 году было привезено из Переславля 102 650 штук сельдей. Поэтому неудивительно, что на ловлю рыбы из озера было обращено особое внимание, в результате которого в устье реки возникла специальная Рыбная Слобода, или, как её зовут в городе, «Рыбаки».

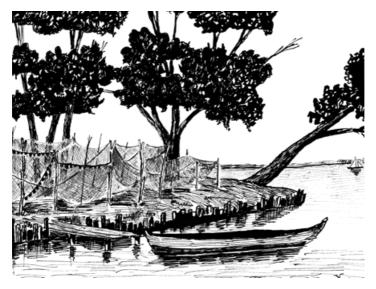
Как ни старинен по своему виду Переславль, но когда попадаешь в Рыбаки, так и кажется, что очутился в подлинном древнерусском селении, словно сошедшем с гравюры Олеария. Островерхие крышы домов, замысловатые крыльца, резные наличники окон, коньки и карнизы, своеобразные ворота — всё это отбрасывает на несколько веков назад. Так и чудится, что вот-вот из ворот выйдет царь Пётр с топором в руке и зашагает к долблёным осиновым колодам, валяющимся на берегу реки, чтобы сделать новую лодку.

Перед домами, на берегу, сушатся выпорки, невода, развешанные на рогатых кольях, вешала с ужищами; тут же привязаны лодки особого устройства.

Рыбная слобода



Дом рыбака А. И. Носкова (начало XVIII века).



Сети в устье Трубежа.

Позади домов и около реки, у «живых мостков», коптильни, называемые банями; в них коптят рыбу. Эти коптильни также очень оригинальны, особенно высокие деревянные трубы, украшенные резьбой.

Многие дома из-за зыбкой почвы глубоко ушли в землю. Таков дом Александра Ивановича Носкова, организатора Рыболовной артели. Дом построен в начале XVIII века и до сих пор сохранилось окно, которое не отворяется, а поднимается. Когда-то дом был в полтора этажа, но со временем осел, и никакие завалинки и укрепления не помогают. Жить в нём уже нельзя и Александр Иванович выстроил себе новый дом, а старый оставил дожидаться естественного конца.

Рыбная слобода — мирок, продолжающий жить особым укладом. Профессия, передающаяся из поколения в поколение, наложила на жителей слободы особый отпечаток.



Устье Трубежа.

Ещё в глубокой древности рыбаки составляли общину, во главе которой стоял выборный староста. Рыбаки пользовались значительными льготами и привилегиями по сравнению с остальными городскими жителями. Количество рыбаков менялось:

1562 г.	99
1667 г.	150
1670 г.	50
начало XVIII в.	161
конец XVIII в.	200
1847 г.	244
конец XIX в.	100
1920 г.	49

В двадцатых годах XX века они объединились в артель «Красный рыбак».

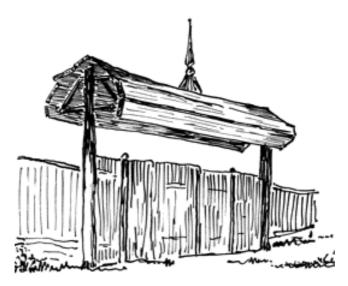


Деревянные ворота на Левой набережной.

Сильно колебался и лов рыбы. Если в конце XVII века он доходил до сотни тысяч штук (по сельди), то в середине XIX века понижается до 50—60 тысяч, а к 1926 году до 30 тысяч штук. Упадок ловли сельдей объясняется просто: это прежде всего неумеренное вылавливание их, уменьшение планктона, которым питается сельдь, и несоответствие стоимости снастей с ценою на рыбу. Последняя не окупает дорого стоящих выпорков, которые плетутся из тонкого некручёного японского шёлка. Кроме сельдей ловится плотва и окунь, лещи, корзоха, уклея, ерши. Что касается Вандыша, сидевшего у печати, то лов его исчез: переславсого снетка больше не появляется.

Обыкновенно рыбаки выезжают на ловлю группами, одетые в особые костюмы из просмолёной ткани, раскидывают выпорки и оставляют их на ночь, а тянут уже утром.

Рыба ловится круглый год: сельди в июне и в конце ноября, лещи в мае—июне, налимы в декабре, ерши в феврале и летом, щуки весной; окуни, корзоха и плотва весною и летом. Рыба из озера отличается исключительно нежным вкусом, иным, чем та же рыба в других озёрах и реках около города.



Деревянные ворота на Правой набережной.

Нередко щук и лещей бьют острогой, когда они забираются в укромные уголки метать икру. Щуки достигают колоссальных размеров, до полутора метров длиной.

Своеобразие рыбацкой жизни проявилось и в том, что они праздновали свой рыбацкий праздник «шестое воскресенье после Пасхи». В этот день рыбаки, а с ними и жители города, выезжали на лодках на озеро, где духовенство служило молебны. Происхождение этого праздника неизвестно. Некоторые полагают, что он установлен в память первого парада кораблям, которые Пётр Великий построил в Переславле; другие связывают его с воспоминанием о нашествии татар, когда жители города спаслись от них в лодках, выехав на середину озера; третьи связывают его с древним славянским языческим праздником «встреча рака».

Теперь религиозное значение праздника совершенно улетучилось; оно и понятно — церковь привязала свой обряд к давнему обычаю. Когда этот обряд стал не нужен, он от-



Типы крылец в Рыбной слободе.

пал, а сам праздник остался, но изменил своё содержание. Это праздник спортивной молодёжи.

Красочно разукрашено устье Трубежа флагами. Пестрят разноцветные лодки. Загар ещё не обжёг тела, а сделал их светло-коричневыми. Масса лодок — и спортивных, и рыбачьих, и любительских.

Праздник начинается состязаниями в плаваньи, потом в гребле, потом — парусные гонки. Гремит оркестр, звонко разносятся песни и смех. До позднего вечера не расходится молодёжь от воды, а старики, тоже нарядные, сидят на лавочках у домов и говорят о прошлом...

Рыбная слобода расположилась по обеим берегам реки, растянувшись почти от самого Знаменского моста до впадения Трубежа в озеро.

Лодка плывёт по Трубежу среди огромных, свисающихся ветвями в воду старых ив. Почти на всём протяжении берега́ реки укреплены сваями. Это было сделано ещё при Петре, и сваи до сих пор держат берег, не давая ему размываться.

Примерно на середине пути между Знаменским мостом и церковью апостола Филиппа на реке сразу появляется характерный запах водяной сырости. Этот специфичный воз-

дух держится до самого устья и при выезде в озеро пропалает.

Вот на повороте, у пешеходных «живых» мостков, на правом берегу у воды высится артельная коптильня — большой сарай с высокими деревянными трубами. Здесь коптят улов коллектива. Копчение производится «дедовским способом» на жердях, на которые вешаются попарно связанные рыбы. Дрова для копчения должны быть особые, ясеневые.

По берегам бесчисленное количество снастей, сохнущих на ветерке и на солнце. К кольям привязаны лодки. Переславские рыбацкие лодки имеют совершенно особое устройство. Прежде всего, они почти стандартны по размеру — от 8,6 до 9 метров длиной. Это объясняется тем, что длина волны на озере около 8 метров. Лодки рыбаков длиннее волны, а потому и устойчивы. Другая их особенность в том, что они делаются из осиновой колоды, которая обивается по верху одной широкой доской. Ни кормы, ни носа лодка не имеет. И веслом и рулём служит короткая лопатка, которой рыбак гребёт поочерёдно то с одной, то с другой стороны лодки, сидя лицом к движению. Каждую весну лодки конопатят и смолят и они служат по 15—20 лет. Несмотря на свою относительную узость, лодка поднимает большой груз, около тонны, и очень легка на ходу.



Рыбацкая лодка.

На этих лодках наши рыбаки не раз бесстрашно выезжали на озеро во время бури и спасали утопающих.

Мы плывём дальше...

Вот среди зелени забелели стены двух церквей, которые, как сторожа, стоят по обеим берегам реки при самом впадении её в озеро. Это церкви Сорока мучеников и Введенская. Первая из них первоначально была построена в XVI веке, но до нас не дошло форм и украшений того времени. Сильно переделанная в XVIII веке, она потеряла свой облик и привлекает лишь несколькими иконами XVII и XVIII веков, каковы Казанская, Донская, Николы и Власия.

Введенская церковь была построена в 1698—1706 годах и сохранила в себе характерные кокошники под кровлей и наличники вокруг окон.

До 1764 г. она была соборным храмом упразднённого Введенского монастыря. Стен и построек этого монастыря не сохранилось. Во Введенской церкви находились исключительной красоты деревянные резные Царские врата XVII столетия, храмовая икона конца XV века и несколько икон XVII в. — Покрова, Вознесенья и Владимирская.

Обе церкви служили прекрасными маяками и с озера их было хорошо видно в любую погоду.

Последний храм быстро ветшал и к началу тридцатых годов был снесён, чем нарушился превосходный ансамбль устья р. Трубеж.

И старые ивы, стоявшие на берегу озера, всё больше и больше подмываются волнами. Одна из них уже почти упала в воду, а другая едва держится, вися обнажёнными корнями над водой.

Да и сама Рыбная слобода за десять лет изменилась больше, чем за все пять предыдущих веков своего существования. Молодёжь уходит на учёбу или на фабрики, бросая дедовский промысел, и число рыбаков уменьшается из года в год. Скоро от Рыбной слободы останется одно лишь название, напоминающее о прошлом этого посёлка.



Дом в Рыбаках.



Церковь Сорока мучеников в Рыбаках (1755 год).

Рыбная слобода



Введенская церковь в Рыбной слободе (1698—1706 годы).

Вокруг города

Краткое описание-воспоминание о Переславле будет далеко не полным, если умолчать о его окрестностях, не менее замечательных, чем город. Эти окрестности интересны и с исторической, и с художественной стороны, и даже с геологической. Надо сказать, что я не раскаялся, когда обошёл наиболее интересные места.

Естественно, что моё знакомство началось с ближайших окрестностей — сёл Городище, Веськово, «Креста»...

На северном берегу Переславского озера расположилось село Городище. На просторах нашей Родины таких названий очень много. Достаточно сказать, что в пределах исторического Переславль-Залесского края селений и пустошей, называющихся «Городище», насчитывается больше десятка; название свидетельствует, что когда-то на этом месте был город (так же как место, где был пожар, зовут пожарищем). Но очень немногие городища имеют свою историю, а первоначальные их имена затерялись во мраке веков.

Одним из немногих городищ, от которых сохранились следы, является городище на Переславском озере. Историки установили, что здесь был город Клещин, упоминаемый в летописи три раза. Клещин был создан русскими при колонизации этого края, населённого финским племенем меря. Есть основания полагать, что Клещин был заложен не позже X века. Это была крепость, возвышавшаяся над озером на холмах, высотою до 40 метров. Городок окружили земляным валом около 500 метров длиной; высота насыпей колебалась от 3 до 8 метров; стратегически он был защищён неплохо, чему отлично способствовал рельеф местности. В городок вело четверо ворот, до сих пор сохранились следы дороги к двум из них. Ближайшими «фортами» были Борисоглебский монастырь и монастырь на Александровой

горе. Словом, Клещин стал военно-административным центром. Существовал он не менее 200 лет, пока не появился Юрий Долгорукий и не построил новый город — Переславль, куда переместилось и управление краем. Но Клещин заглох не сразу. Летописец, перечисляя Залесские города, упоминает наряду с Боголюбовым, Владимиром, Дмитровым — раздельно Переславль и Клещин. Это было последнее документальное свидетельство; постепенно город превратился в село...

Подходишь к нему по берегу озера. Чуть заметной тропкой пробираешься по откосу глубокого оврага и, поднявшись кверху, идёшь по дороге, устроенной тысячу лет назад. Она даже не зарастает. Взбираешься на валы, под ногами озеро, влево пестреет город, прямо — синеет усадьба Ботик. А озеро синее-синее, и кое-где лодки. Внутри валов, где когда-то были дома, жили люди — зелёное озеро колосящейся ржи. Может быть, так же, как и тысячу лет назад, где-то высоко надо мной заливаются трелями жаворонки. Они только и нарушают тишину...

А когда-то здесь было шумно. Берег пестрел кораблями. Шла оживлённая торговля. Об этом рассказывают найденные при раскопках монеты разных народов, существоваших тогда, когда Русь ещё только родилась. Богатые коллекции, добытые раскопками 1853 г., можно увидеть в Московском Историческом музее.

Много раз большими весёлыми компаниями мы собирались на пикники. Рассаживались в лодки, поднимали паруса, пересекали озеро и, уже на вёслах, шли по реке Вёксе. Само название-то о чём говорит! Ведь это Вуокса — финское прозвище рек, соединяющих два озера: Плещеево и Сомино. Да и Сомино-то вовсе не от сома, Сёмино оно было раньше, тоже финское — Сайма...

Пойма Вёксы проходит сначала мелколесьем и река извивается бесчисленными поворотами, пробираясь между за-

болоченными берегами. На них — вековой сосновый бор. Излюбленные места для пикников у нас «Польцо» и «Третья круча». На этих берегах жил ещё неолитический человек, остатки его быта — черепки, каменное оружие — и сейчас ещё можно найти на Польце.

Село Усолье один из древнейших промышленных центров Руси: здесь добывалась соль. Но это было в XIV—XV веках. Потом нашли более выгодные промыслы и село стало обычным посёлком. В наше время остатком былых разработок является большой холм, называемый «Козья горка», из отбросов вынутых из земли соляных слоёв. Скот очень любит щипать на горке траву и лизать подёрнутую беловатой пылью землю. Другой примечательностью современного Усолья назову деревянную резьбу на домах: подзоры, наличники, коньки, крыльца. Это работа мастеров соседней деревни Селезнево.

Дальше за Усольем озеро Сомино. Оно вместилось в болотистую местность, и само-то имеет всего метр воды, а дно еле-еле достанешь: сплошная торфяная жижа. Замечательно, что посреди этих болот, болотистых берегов и дна озера — на нём небольшой материковый островок.

Среди других окрестностей Переславля живописны были село Смоленское с его «Успенской фермой» — сельскохозяйственным техникумом, расположившимся в усадьбе Свиньина, на высокой горе, в доме, похожем на замок, и бывшее имение Ганшина — д. Горки на реке Шахе, где печаталась гениальная книга Владимира Ильича Ленина «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?». Здесь же, в Горках, в 1920 г. впервые в Переславском уезде зажглась лампочка Ильича.

Удивительная там красота! Среди холмов синей извилистой лентой течёт Шаха; кое-где разбросаны рощи; волнуются от ветра поля пшеницы.

Я получил огромное удовольствие, когда совершал пешие прогулки по сто и более километров вокруг города. Встречались мне замечательные люди. Вот, например, Г. М. Лап-

шин — лучшего рассказчика сказок я не видывал; или полуцыган, кузнец из д. Борисово, убегавший каждое лето из дома и бродивший по белу свету; или Сергеев из Погоста, бухгалтер, отличный егерь и горчайший пьяница. Старуха-песенница из Усолья, чуть ли не помнившая, когда «вольницу объявляли»; или весёлые девушки из Скулина, экспромтом сочинявшие частушки...

Усталый, но бодрый, бывало, возвращаешься в город, идя по дороге от Рязанцева, издали любуешься, как в голубой дымке показывается озеро, словно звёзды, загораются белые постройки монастырей, появляется наконец и город.

Проходит лето, пора возвращаться в Москву... В 1929 году впервые я ехал обратно не через Берендеево, а автомашиной в Загорск.

Промчались годы. Пятнадцать лет не был я в любимом городе. Приехал снова.

Большинство «переславских антиков» переселились к Никитской часовне и лежат теперь «меж двумя хлебородными нивами».

А город?

Город, в основном, остался такой же. Хотя прибавилось несколько добротных новых зданий, на окраинах выросли новые посёлки, старые дома почистились, подкрасились... А главное, что особенно заметно, переродились люди. Навсегда отмерла провинциальная плесень — мещанство, пошлость, бескультурье.

Переславль из «дыры» сделался настоящим советским городом, центром политической, хозяйственной и культурной жизни района.

Здравствуй, помолодевший Переславль!

Географический указатель

Александрова гора 20, 69,	70	Милославль деревня 12
Берендеево станция Большая песочница		Москва город 28, 64 Мурмаж река 67
Борисово деревня	93	Неглинная улица 55, 61
Борисоглебская слобода Ботик усадьба 74-		Нерль Большая река 20, 69 75
Вёкса река 20, 70, 71, 75, Веслево деревня		Нерль Малая река 20 Новгород город 20
Веськово село 69,		Плещеево озеро 69-73
Вечеславль деревня	12	Погост деревня 93
Владимир город	75	Ростовский переулок 61 Рыбная слобода 78-86
Горки деревня	90	Святово село
Дмитров город	20	Симак местечко 69, 71, 72 Скулино деревня 93
Ефимьево село	13	Смоленское село
Знаменский мостЗубцов город		Тверь город 20, 28 Трубеж река . 19, 20, 52, 67
Клещин город 20, 38, 70, 91	90,	75, 81, 84, 86
Клязьма река		Урёв местечко
Коротково деревня 13, Красная площадь	69	Шаха река 92 Швеция страна 41
Красное село Кснятин город Кузнечная улица	69 20	. Юрьев-Польский город 21 25
Липина река	21	Ям село

Именной указатель

Страницы, на которых приведены полные имя, фамилия и отчество, выделены в указателе жирным шрифтом.

Александр Невский князь 22	Василий III великий князь . 41
Амвросий Зертис-Каменский епископ 37	Васильев С. Д. 3–7, 14, 15
Андрей Городецкий князь 22	Васильева Т. С
Андрей Смоленский князь . 48	Всеволод Большое Гнездо князь 21
Арсения Михайлова	
игуменья 49	Ганшин И. А
Барятинский И. П 41	
Барятинский C. Ф 76	Даниил Александрович
Батый хан 22	князь 22
Бацын Б. Н 63	Даниил игумен 41, 48
Бацын М. Н 55, 62	Дмитрий Александрович
Бацын Н. Н 63	князь 22, 26
Бацын Н. С 52 , 58, 61	Дмитрий Прилуцкий святой
Бацына А. Е 54, 55, 60	46
Брюхов А. В. 31 , 63 , 64, 65	E
Брюхова А. В 64	Евдокия княгиня 36
Брюхова Е. В 64	Ерге (Бацына) Е. Н. 55, 57
Брюхова С. В 63, 64 , 65	58, 60
Бухарев Ф 15, 16, 40	Ерге В. И 56 , 57, 58, 60
Былинин Б. Г. 3 , 58, 61, 72	Жеребцов 74
Былинина H. Г 3 , 58, 61,	Жидислав воевода 52
72, 77	Житникова Е
Былинины 30	Житникова Е О
	Зайцевский К 28
Варлаам Высоцкий	Замыцкая М
архимандрит 41	Замыцкий Л

Иван IV Грозный царь . 38,	Саркиз воевода 26
41, 48, 70	Серапион епископ 36
Иван Дмитриевич князь 22,	Сергеев 93
26	Симаков 71
Иванов К. И. 3, 5, 6, 35 , 76	Симеон Гордый князь 35
Иконников A. A 14	Смирнов М. И 34, 71
Иконников И. A 13	Соболев П. В 7
Иринарх Ростовский 70	
	Угрюмов В. В 15, 17
Казаринов А 49	Угрюмова Т. В 17
Кампиони 74	Ульянов (Ленин) В. И 92
Кардовский Д. Н 75	ульянов (ленин) Б. И 92
Козлов А. А	•
Коньков В 15	Фёдор князь 22
Коньков П 24	Феофилакт Горский
Кочнев 14, 15	епископ 67
Кравец А. М 6	Филиппов М 58
1	
Лапшин Г. М 93	Хлопов О. Т 24
Ленин В. И 92	Хухлаев А. А 63
Лефорт Ф. Я 75	Хухлаев А. З 63
Людевиг В. К 30	Хухлаев Б. А 54, 60-62
	Хухлаев В. А 63
Никита столпник 38, 40	Хухлаев С. А 63
Николаев Н. С 6	3
Носик Б. М 3	Ширшин Н. М 5
Носков А. И 79, 80	ширшин 11. 141
	Юрий Долгорукий князь
Пётр I царь 38, 42, 74-76	20, 91
Пётр митрополит 28	Юстинов Р. А 5
Пантелеев Л. А 5	Юстинов Р. А 3
Поросятников	<i>a</i> • • • • • • • • • • • • • • • • • • •
Протопопов Ф 49	Яковлев А 58
Прусов 60	Яновский 52, 54
	Ярополк Ростиславович
Рогожин Б. П 6	князь 21, 26
Родышевская А 16, 40	Ярослав Всеволодович
Родышевский 15	князь 21, 22

Предметный указатель

авиазавод 72	рыба 82, 83
	рыбаки
вал	ряпушка
встреча рака (праздник) . 83	сад 28, 31
Гефсимания 37	Синий камень 69-71
Гробля ров 24, 67	Смутное время
икона 49, 86	
· · · · · · · · · · · · · · · · · · ·	театр 28, 30
Казанская духовная	торговля 22
академия 15	
каменная баба 12	фабрика
киностудия 5	вышивки 67
«Коммунар» газета 4, 6	киноплёнки 67
«Красный рыбак» артель. 81	«Красное эхо» 67
	Темерина 66
лодка рыбацкая 85	Угрюмова 67
	«Фортуна» ботик 76
масленица 17	
музей 4, 5, 34, 35	шестое воскресенье
F.C.	(праздник) 83
народный дом 56	Школа красных командиров.
оркестр	64
Переславская епархия 36	ямшики 12. 13

Церковный указатель

Благовещенская церковь. 38	Никитский собор 38, 39
Борисоглебский Надозёрный	Никольский монастырь 34,
монастырь . 34, 66	46
Борисоглебский Песоцкий	Новый собор 26, 31
монастырь . 34, 52	•
•	Петра митрополита церковь.
Введенская церковь 86, 89	26, 29, 31
Введенский монастырь 34,	Покровская церковь 66
86	Похвалы Богородицы
Владимирская церковь 53, 66	церковь 42
	Сергиевская церковь . 52, 56
Горицкий монастырь. 34–36, 73	Симеона столпника церковь. 66
	Смоленско-Корнильевская
Данилов монастырь 41–44	церковь 49, 51
Донской монастырь 37	Сорока мучеников церковь
Духовская церковь 67, 70	86, 88
	Спасо-Преображенский
Знамения в кораблях	собор 25-27
церковь. 67, 68, 75	Сретенская церковь 73
	Сретенский монастырь 26
Ивана Златоуста церковь 66	
Ивана Предтечи церковь. 61	Троице-Сергиева лавра 68
Ильинская церковь 68	Троицкий собор 41, 43
князя Андрея церковь 48, 50	Успенский собор 37
князя Владимира церковь 52	*
Козьмодемьянская церковь 52	Фёдоровский монастырь. 34, 45
	Фёдоровский собор 45
Никитский монастырь 34, 37-40, 70	Филипповская церковь 68, 84

Список иллюстраций

1.	Возок на Берендеевском шоссе	13
2.	Бывший «тайный ход» в валу к Трубежу	19
3.	Водные пути Клещина и Переславля	21
	Рождественские ворота кремля	23
5.	Спасо-Преображенский собор (1152—1157 годы) .	27
6.	Церковь Петра митрополита (XVI век)	29
7.	В кремле. Соборы и церковь Петра митрополита .	31
8.	Дом Брюховых (XIX век)	32
9.	Окно дома №2 по улице Крестьянка	33
10.	Горицкий монастырь. Ворота,	
	вид с восточной стороны	36
	Горицкий монастырь. Успенский собор (1757 год)	37
12.	Никитский собор (1564 год)	36
13.	Данилов монастырь. Церковь	
	Похвалы Богородицы (XVII век)	42
	Данилов монастырь. Троицкий собор (1532 год) .	43
	Данилов монастырь. Колокольня (1689 год)	44
16.	Фёдоровский монастырь. Фёдоровский	
	собор (1557 год)	45
17.	Никольский монастырь. Собор (1680—1721 годы)	
	и колокольня (1693 год)	46
	Князь-Андреевская церковь (XVIII век)	50
19.	Смоленская Корнилиевская церковь	
	(1697—1705 годы)	51
20.	Владимирская церковь на базарной	
	площади (1803 год)	53
21.	Неглинная улица	55
	«Тонущий дом» № 98 по улице Кардовского	59
	Борисоглебское кладбище	66
24.	Вал, «Большая песочница» и церковь	
	Знаменья «в кораблях»	68

25.	Синий камень	71
26.	Сретенская церковь (она же Александра Невского,	
	1785 год)	73
27.	Усадьба Ботик, вид с озера	75
28.	Усадьба Ботик, триумфальная арка	77
29.	Дом рыбака А. И. Носкова (начало XVIII века)	79
30.	Сети в устье Трубежа	80
		81
		82
33.	Деревянные ворота на Правой набережной	83
34.	Типы крылец в Рыбной слободе	84
35.	Рыбацкая лодка	85
		87
		88
38.	Введенская церковь в Рыбной слободе	
	(1698—1706 годы)	89

Оглавление

Об авторе	3
На пути к городу	12
Взгляд в прошлое	20
Кремль	24
Сторожи	34
Город	47
Озеро	69
Ботик	74
Рыбная слобода	78
Вокруг города	90
Географический указатель	94
Именной указатель	95
Предметный указатель	97
Церковный указатель	98
Список иллюстраций	99

Литературно-художественное издание

Васильев

Сергей Дмитриевич

Воспоминания о Переславле

Редактор А. Ю. Фоменко

Подписано в печать 5.3.2006. Заказ 109. Бумага офсетная. Формат $29,7\times21/2$. Гарнитура Квант Антиква. Печать ризо. Усл. печ. л. 8,23. Уч.-изд. л. 5,70. Тираж 300 экз.

Издано на средства Д. В. Петропавловского.

Переславский совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры 152020, Ярославская область, Переславль-Залесский, ул. Ростовская, д. 6.

Отпечатано в ООО «Титул Яр». 150040, г. Ярославль, проспект Ленина, 18/50-2.

В серии «Переславская быль» вышли книги

- 1. И. А. Кручинин. Переславские улицы. (2004)
- 2. *К. И. Иванов.* Фабрика «Красное эхо»: 1849—1949 гг. (2004)
- 3. Усадьба Смоленское. Прошлое и настоящее. (2005)
- 4. *С. Д. Васильев, К. И. Иванов.* Улицы, на которых мы живём. (2005)
- 5. С. Д. Васильев. Воспоминания о Переславле. (2006)

Читайте краеведческие статьи на веб-сайте http://pki.botik.ru